

Липкие люди

Вся правда
о черных риелторах

Наталья Скуднова

18+

Наталья Ивановна Скуднова

Липкие люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66484338

SelfPub; 2021

Аннотация

1993 год. Живут себе бедненько в Москве: Кира, неудачливый адвокат, и её муж Эдик, актёр второго плана. Вдруг появилась возможность получить в дар квартиру одинокого пенсионера. Для супругов это шанс не только поправить материальное положение, но и организовать фонд поддержки пожилых деятелей культуры. С этого момента растут их личные доходы, известность фонда и... количество смертей опекаемых стариков. А всё потому, что «липкая пара» так умело подбирает препараты, что любая экспертиза показывает естественную причину смерти. Так бы всё это и продолжалось, если бы в 2019 году Кира и Эдик не решились бы прибрать к рукам огромное состояние известной актрисы.

Наталья Скуднова

Липкие люди

Все истории и персонажи вымышлены.

Любые совпадения случайны.

Предисловие

– Фью – мью, фью – мью, фью – мью... – будто скороговорку на неизвестном языке начала бубнить Кирочка.

Эдуард незаметно для всех одёрнул её за руку и Кирочка замолкла. Он наклонился к ней и еле слышно прошептал на ушко:

– Дура, заткнись. Мы же в суде. Сейчас тебе ещё экспертизу влепят и признают невменяемой. Нам этого только не хватало.

Кирочка сильно прижала подбородок к груди. Раньше это помогало остановить приступ бормотания. Но сейчас нервы на пределе, и она не знала: какой сюрприз, помимо её воли, может ещё выдать её уставшее, старое, семидесятилетнее тело!

Из всего сказанного судьёй, Кирочкин мозг смог выхватить и переварить лишь две фразы: «домашний арест» и «запрет на пользование телефоном и интернетом». Для прожжённого юриста, коим считалась Кирочка, такая реакция на происходящее – признак профнепригодности.

«Это всё нервы...» – успокаивала она себя. Но взять себя в руки и сконцентрироваться у Киры не получалось. Ведь слова судьи относились напрямую к ней и её супругу – Эдуарду.

Еще несколько недель назад их пара являлась эталоном порядочности и благонадёжности. Им лично и их фонду помощи пожилым деятелям культуры и искусства верили все. Понятия «деньги и доверие» намертво приклеились к их организации.

Сегодня их имена полоскали все СМИ. Фото Эдуарда и Киры за решёткой облетело каждое издание. Опекаемые ими, старики, проходят серьёзнейшую медицинскую экспертизу. Счета заблокированы. Деятельность организации заморожена. Друзья, кто ещё вчера пил чай и уплетал за обе щеки бутерброды с икрой на их кухне, сегодня или молчали или «мочили» их в интервью. Всего три человека открыто встали на их сторону. Три сотни – в сторону отошли.

Но не предательство близких было самым обидным и страшным. Весь ужас заключался в том, что одуревшие от безнаказанности, Кира и Эдик, сами дали следствию все козыри. При обыске в их квартире нашли синенькую книжицу, куда Кирочка своим аккуратным почерком заносила весьма любопытную информацию на опекаемых их парой, стариков.

Тут не нужно быть Шерлоком Холмсом, применявшим, на самом деле, индуктивный метод, чтобы распутать дело очередных «черных благотворителей». Следователи сами охра-

нели от такой глупости адвокатши, которая каждой выведенной буквой и циферкой сама подписала себе и мужу приговор.

Структурированности и подробности описанного в книжке, позавидовал бы любой архивист! Это ж надо умудриться расписать всю подноготную фонда за более чем 20 лет в небольшой тетрадке. Тут было всё! И список недвижимости, полученной от опекаемых фондом, стариков. И лекарства, которые рекомендовали врачи их подопечным и тут же – схемы лечения, после приёма которых, можно заказывать венки с похоронной ленточкой. И ФИО журналистов и редакторов телевидения, которые помогали «пиаровски» отбелить отходившую Кирочке и Эдуарду, недвижимость. И график дней рождений популярных людей. И тексты открыток и телеграммок в зависимости от ситуации. И суммы на прощание или похороны знаменитостей. И напоминалочки с кем и о чём на поминках говорили. И фамилии родственников павших звёзд СССР, которые претендовали на недвижимость своих близких и ещё много чего другого.

Чему удивляться, когда после прочтения этой книжечки повылазили, из, казалось бы, навечно забетонированных щелей, старые призраки. Точнее те люди, которые стали призраками после того, как чета Эдуарда и Киры изнасиловала их своей «добротой».

Кирочка подняла глаза на мужа. Эдуард стоял, как солдат почётного караула: прямая спина выгнута дугой и в районе

поясницы отчётливо прорисовывался прогиб. Копна седых волос обрамляла его римский профиль. На лице не дрогнул ни один мускул, когда им озвучивалась мера пресечения. В те мгновения он был похож на библейского персонажа. Ему б играть прокуратора и самому выносить приговор, а не выслушивать решение суда, стоя в клетке. Как-никак Эдуард в прошлом актёр. Пусть давно на пенсии, пусть без звания и главных ролей, пусть без выдающегося таланта, но с яркой внешностью, поставленным голосом и отличной актёрской школой.

Супруга на его фоне смотрелась бабкой-приживалкой: миниатюрная, бесцветная, суетливая и что-то бормочущая себе под птичий нос. Такие женщины после сорока лет уже выглядят на семьдесят. Сколько бы свечей не вмещал торт на их Дне рождения, морщинки и одежда будто заморожены последние годы.

Более несуразно смотрящуюся вместе пару представить себе сложно. На тему их внешности, темперамента и разных профессий уж как только журналисты не изгалялись в публикациях! Их называли и «Лисой Алисой и Котом Базилио XXI века», и «Благотворителями с большой дороги», и «Чёрными риелторами с седыми волосами».

Эдуард и Кирочка лишь отбивались на это фразами, вроде: «Ещё нет решения суда...». Но их писк мало кто слышал. Да и что они могли сказать в своё оправдание, когда с каждым новым интервью, с каждой новой передачей всё больше

мерзости открывалось об их настоящей жизни.

Вот и сейчас, из толпы, около зала суда, раздаются обвинения: «Разберитесь с делом Вахтанга!»; «Про Сорбик уже забыли?!», «Откуда 70 квартир в Москве?», «Почему только после дела Безицкой все всполошились»? «Нужно было дожидаться, чтобы вылезла махинация на миллиард рублей, чтобы эту липкую пару наконец-то поймали?»

Каждый такой окрик вынуждал Кирочку всё сильнее прижимать подбородок к груди, а Эдуарда всё сильнее выгибать спину. Иного варианта хоть как-то сохранить хорошую мину при плохой игре, у них не оставалось.

Первая квартира

Кирочкино сорокалетие отмечали осенью 1993 года. Праздничный стол не ломился от яств: бутерброды с килькой, жареная картошка, самодельный торт «Наполеон» с кремом из маргарина и пара бутылок палёного спиртного. Тосты под стать ситуации в стране: «Денег. Много денег. Очень много денег». Это были самые заветные пожелания для неудачливой адвокатши. Больше всего распибался Эдик. Ведь вместо подарков для любимой жены у него последние годы лишь пожелания да поцелуи. Эдуард, с его бархатным голосом и актёрской фактурой, в новом кино и театре востребован не был. Да и само искусство оказалось на фиг никому не нужно в то время. Даже актёры первого эшелона перебивались непрофильными заработками. Что уж говорить об остальных. Доходов бездетной пары Киры и Эдуарда еле-

еле хватало на оплату комнатки в коммуналке и скромную трапезу. Однако несмотря на все невзгоды, они крепко держались друг за друга 15 лет.

Гости уплетали последние бутерброды за обе щеки и вдруг один из пьяненьких гостей завёл разговор:

– Эдь, ты слышал о Сорбик?

– Это наш оператор? – вынимая хвост кильки из рта, переспросил Эдуард.

– Ну да, он самый: знаменитый Фима Сорбик!

– А что с ним?

– Ну как что? Инсульт!

– Да ну?..

– Ну да! Инсульт! Парализованный весь... Не говорит и вообще плохо соображает.

– Бедненький! – покачивая головой, запрочитала Кирочка. – Кто ж за ним ухаживает?

– А никто! – отрезал гость. – Детей, жен и прочих животных не имеет. Да и кому сейчас пенсионеры-инвалиды нужны?

– Как же он, несчастный, справляется? – продолжая вживаться в образ плакальщицы спросила Кирочка.

– Да вот мы навещаем иногда. Моем. Еду приносим. Пытаемся его определить хотя бы в психушку. Но даже здесь без бабок не получается...

– Он всё там же живёт? – в глазах Эдуарда промелькнул ледяной отблеск.

– Там же, на набережной. Квартирка чуть больше вашей комнаты. Только вход отдельно и наличествует законное право сидеть в сортире сколько хочешь. Вот и все удобства.

– Эдичка! Нужно обязательно Фимочку навестить. – Кира произнесла это так, будто читала молитву за упокой: столько в её голосе было меланхолии и осознания торжественности момента.

– Конечно-конечно! Завтра с утра и пойдём. – по-актёрски отыграв её реплику, произнёс Эдуард.

Через час хмельные и полуголодные гости стали расходиться. Кирочка, убирая со стола грязные тарелки, хотела было первой заговорить, но взглянув на мужа, лишь кивнула головой. Всё же прав автор фразы: «Муж и жена – одна сатана». Мысли у супругов оказались схожими.

– Ты тоже об этом подумала? – Эдик прервал затянувшуюся паузу.

– Обстряпать всё нужно грамотно. Не нарушая закон – нарушать закон. – скидывая объедки в одну тарелку, сказала Кира.

– Да знаю я! Талдычишь ты это постоянно. Мол нужно всё сделать по закону, но так, чтобы вывернуть всё в свою пользу. Вот если бы мы действовали от организации, вопросов меньше. Я попробую ещё раз поднять вопрос о создании фонда помощи деятелям культуры. Но только куда бежать... всё прям на глазах разваливается...

– Все твои общественные организации остались в СССР!

Сегодня любому фонду нужны спонсоры! А спонсорам нужна выгода. Но какой толк от стариков? Только их махонькая квартира. Хотя... – Кира вдруг замолкла.

– Не тяни резину, ну? – взвыл супруг. У Эдуарда имелась особенность заводиться с пол-оборота.

– Даже если фонда не будет, мы можем сами ухаживать за старичком. Квартиру только грамотно нужно оформить и удостовериться, что наследников нет и не возникнет в будущем.

– Я так и думал! Нам бы хотя бы его квартирку получить и из этой холупы выехать. Мы же честно будем ухаживать за Фимкой. Чего ты сложности ищешь, где их нет?!

– Так мне по судам ходить. Ты со своим фондом только всё испортишь. Втихую оформим всё на себя и никакой фонд не нужен! Шумиха только лишняя...

– Ладно! Я с Фимкой работал раньше. Ты помнишь, как этот сучёнышь хреново меня снял? Меня после того фильма три года только в массовку приглашали.

– Если будем помнить старые обиды, то квартиру не получим. – Кира сжала зубы.

– Да я тебе к тому и веду: старик заслужил всё это! И то, что квартира нам достанется – хоть какая-никакая, а справедливость! – Эдуард произнёс это так, будто это была реплика из редко исполняемой, трагедии.

– Заслужил – не заслужил... Не в этом дело! Никого привлекать не стоит. Никаких фондов. Втихаря всё провернём.

– Ладно, как скажешь! Но упускать этот шанс нам нельзя. Завтра же с утра поедем.

Супруги так и не уснули ночью, обсуждая: как им всё «обстрипать». Они долго спорили и чуть не разругались вдрызг. Зато под утро их видок был под стать предстоящему визиту. Для изображения скорби и сочувствия грим им не понадобился. С вымотанными выяснениями отношений, лицами, и синяками под глазами, они поплелись к больному человеку, которого видели несколько раз в жизни много-много лет назад.

Дверь квартиры старого оператора оказалось открытой. Войдя в комнату, у супругов всё сжалось внутри. Нет: не от вида парализованного и абсолютно беспомощного человека, а оттого, как две бабульки лихо его кормили с ложечки.

– Фимушка: ну ещё пол-ложечки!

– Милочек! Давай-ка ротик открой и ам её...

Словно на конкурсе милосердия, две старушки сцепились за главный приз. Понятно: что не аппетит старика являлся наградой. Квартирка на набережной около 30 квадратов – вот «куш», за который соседки готовы были перегрызть вставными зубами горло друг другу. Потому бабульки чуть ли не расталкивали друг друга, стараясь донести ложку с жижей до рта деда. Тот стиснул зубы и, наслаждаясь моментом, капризничал, как младенец.

– Добрый день! – громогласно произнёс Эдуард.

– Тс!! Не отвлекайте. – шикнула на него одна бабулька.

– Я коллега Ефима Ильича по актёрскому цеху. Вот от имени нашего братства уполномочен его навестить.

– А где ж вы, суки, раньше были? – зло прошипела другая старушка.

– А вы кто такая, чтобы с нами так разговаривать? – миниатюрная Кира вдруг вылезла из подмышки супруга и перевела конфликт в правовую плоскость.

– Я соседка. Присматриваю за ним. – старушка заявила так, будто она близкая родственница и старик живёт, по факту, уже в её квартире.

– И я соседка. А ваши артисты придут, выпьют водки, съедят всё, что в холодильнике и только их и видели. – вставила свои пять копеек и вторая бабулька.

– За всех не стоит говорить! – буркнула Кира. – На каком основании вы здесь находитесь?

– Кто ты такая?! – вторая бабулька оказалась побойчее и решила стоять до последнего.

Тут Кира развернула свою адвокатскую корочку и чуть ли не впечатала её в лицо злобной старушке. Та оказалась не робкого десятка. Как известно: лучшая защита – это нападение:

– И чего ты мне в нос тычешь своей бумажкой? Я милицию вызову и пусть они разбираются.

– Вызывайте! – невозмутимо произнесла Кира.

После чего Кира демонстративно положила свою сумку на стол с лекарствами.

– Ну чего стоите? Вызывайте! – тут же подыграл ей Эдуард. – Заодно и проверим: какими лекарствами вы потчуете нашего коллегу и почему нет улучшений. Мы Фимочку почти 20 лет знаем и за это время вас ни разу у него не видели!

– Вызывайте, вызывайте! – вторила Кира. – Если не вы вызовете милицию, то мы это сделаем. Ну, где телефон спрятали? Эдик, посмотри в коридоре: я помню у Фимочки всегда стоял телефон на полочке.

Эдуард прошёл расстояние в три метра так, будто премьер по сцене идёт за огромным букетом от поклонников. Обе бабульки заметно стушевались, потому путь не преградили. Как только они услышали звук крутящегося диска телефона, обе, не сговариваясь, схватили свои манатки и выскочили из квартиры.

Кира и Эдуард засмеялись в голосину, как только закрыли за ними входную дверь.

– И как это ты догадалась, что телефон в коридоре? Ты ж вообще никогда у него не была! – давясь от смеха, спросил Эдик.

– Смотрю, в комнате нет телефона. Значит, в коридоре есть. Шнур же от двери куда-то идёт.

– Ну и глазастенькая же ты у меня! – Эдуард хлопнул супругу по мягкому месту. – И корочку в нос им засунула, и вообще молодец: не растерялась. Понятно: чего эти гримзы добивались. Надеялись внуков прописать в Фимкину квартиру.

Супруги, обрадованные тому, как легко справились с первым препятствием на пути получения заветных квадратных метров, стали осматривать свою будущую квартиру. Присутствие пока ещё собственника жилья, их ни капельки не смущало.

Всегда интересно наблюдать: как происходит превращение из вполне законопослушных людей в преступников. В случае с Кирой и Эдуардом – трансформация произошла за несколько часов до того, как супруги переступили порог чужой квартиры.

Нет: у них не сработал в голове переключатель с «честного» на «нечестного» человека. Скорее всего, они даже не почувствовали: как переступили черту. Но они чётко, как и большинство правонарушителей, могли ответить на вопрос: «ПОЧЕМУ ОНИ НЕ ВИНОВАТЫ».

Если внимательно вслушаться в «исповедь» преступника, объясняющего мотив собственного преступления, то всегда будет виновата жертва. Понятно: причины окажутся неожиданными для нормальной, человеческой логики.

Как оправдывает себя насильник и садист? Жертву мучал, так как не понравилась длина юбки, цвет колготок или волос. Если послушать оправдание казнокрада или взяточника, то проскользнут фразы: «Ну все ж воруют! Так выстроена система! Ни я первый, ни я и последний. А вы что? На моём месте не брали бы взятки?!». Вор станет оправдывать себя или примитивными замками, или наличием «нетрудо-

вых излишков», или лозунгом: «Грабь награбленное!»

Адвокатша и актеришка тоже ответили на вопрос: «Почему они не виноваты, а виновата жертва». Именно в тот момент, когда сутки назад Эдик кинул фразу о Фиме, мол: старик сам напросился, потому что оператор неудачно снял его на плёнку, и великого Эдика приглашали лишь для участия в массовых сценах, а Кирочка со всем этим согласилась, и перешли супруги Рубикон.

Нет: они ещё не стали беспредельщиками, которые крошат всё вокруг во имя только им ведомой, цели. Пока их преступление заключалось в том, что они оправдывали себя, обвиняли жертву и не оставляли выбор несчастному старику. Например, пожилого инвалида лишали права выбора своих опекунов. А вдруг у старика объявится родня или кто-то из актёрской братии тоже захочет помочь с уходом? Нет! Такой альтернативы пенсионеру не предоставлялось.

Последним тормозом, который отделял их от соблазна дать «правильную» пилюлю или вколоть «волшебный» укольчик, был страх. Да! Именно страх! Тогда они ещё боялись. Пара, воспитанная в традициях СССР была чувствительна к тезису: «А что скажут про них люди». В то время на общественное мнение им было не наплевать. Это и увеличивало шансы пожилого оператора отправиться на тот свет по естественным причинам.

Пожалуй, Фима явился первым и последним стариком, который уйдёт в лучший мир без непосредственного участия

супружеской четы. Но именно с его истории и начнутся события, подпадающих под статьи уголовного кодекса. Ведь после получения первой квартиры, Эдуард и Кира поймут: как легко могут доставаться чужие квартиры и, чем больше доверие и «незапятнаннее» репутация, тем выше шансы остаться безнаказанными!

Но всё это будет позже. А пока, находясь в квартире пожилого оператора, Кира и Эдик мысленно прикидывали стоимость ремонта. Не стесняясь своих фантазий, они стали вслух обсуждать: куда поставят новую мебель и какого цвета обои гармоничнее будут смотреться.

Тут в комнате застонал старик. Супруги бросились к нему и, раскрыв одеяло, закрыли носы руками.

– И чего теперь делать? Он же обделался. – еле сдерживая рвотные позывы, произнёс Эдуард. – Я не смогу за ним убрать. Я же актёр!

Кира, простояв пару секунд в тишине, выдавила:

– Нет худа без добра! Давай звони всем своим знакомым.

Пусть приходят.

– Зачем? – заорал Эдик. – Ты только одних выпроводила, но уже других претендентов на квартиру зовёшь сама? У нас же план был!

– План изменился. – не стесняясь старика, начала Кира. – Ты посмотри на квартиру: здесь даже если скромный ремонт сделать – квартира раза в два вырастет в цене. Будет еще много охотников на эту недвижимость. Сегодня соседи, а

завтра вообще неизвестно кто. Чем больше людей узнает – что мы теперь Фиму опекаем, тем лучше будет. Сочувствие твоих артистов-белоручек нам пригодиться, чтобы у многих охоту отбить. Да и на нас косо смотреть не будут, когда мы квартиру оформим. Пусть знают: какой ценой всё добыто. Ну? Что стоишь? Или мой его или иди звони!

Супруга знала, как Эдику неприятен сам факт нахождения с немощным дедом. Потому всю грязную работу собиралась делать сама. Она-то отлично знала брезгливость супруга: если кто из гостей заметит фальшь – не видать им квартиры. Потому уж лучше Эдуард блистает на первых и самых «чистых» ролях, пока она, в тени, будет делать остальное. Ведь в конечном итоге выгоду получит их семья.

Почему вдруг Кира изменила своё решение? Всё дело в особенности её характера. Она, как и муж, – коренные москвичи. На этом преимущества рождения в столице заканчивались. Без связей и мохнатых лап, ей, как и мужу, всё приходилось выгрызать зубками. Ничего и никогда не доставалось просто так! Потому Кира старалась исключить малейший риск во всём, за что бралась. Как юрист она понимала: прав на квартиру у них ноль. Любой знакомый Фимы мог делать тоже, что и они. Всё зависело только от того: сколько реальных претендентов возникнет на жильё, и кто и как долго станет ухаживать за стариком. Потому важно здесь и сейчас застолбить за собой право на актив и показать всем потенциальным претендентам на собственность: какая цена

стоит за возможность делать ремонт в маленькой однушке.

Эдик, на радостях, что его освободили от грязной общественной нагрузки, вприпрыжку побежал к телефону. Он со свойственным ему надрывом и переигрыванием стал звонить всем своим коллегам и в красках озвучивать случившееся. С его слов выходило: гениальному оператору прямо срочно нужна сиделка. Нужно хоть по копейке скинуться, но обеспечить достойный уход. Иначе ушлые соседки доведут старика до того, что на имя раба божьего Ефима придётся уже на этой неделе заказывать отпевание.

Через час в квартиру повалила вереница работников культуры. Кто принёс домашний фарш, кто банку варенья, кто яблоки со своего огорода. Несколько человек дали по 20 долларов: по тем временам это большие деньги.

Люди несли реально последнее. Они действительно искренне сочувствовали оператору-инвалиду, которому на осколках развалившейся великой империи не нашлось койко-места.

Каждый из них охал и ахал видя, как Кирочка лихо меняла пелёнки старику, а Эдик кормил его с ложечки. Шоу с переодеванием и кормлением продолжалось несколько часов. За это время три десятка посетителей, словно зрители в театре, сопереживали немолодым артистам этого «интерактивного театра». Однако даже профессиональным актёрам и в голову не приходило, что перед ними разыгрывается самый настоящий спектакль. А всё для того, чтобы показать две ве-

щи. Первая: как тяжело ухаживать за пожилым инвалидом. Вторая: как самоотверженно и бескорыстно актёр и адвокат это делают.

Именно с этого момента произошло распределение ролей: Кирочка отвечала за грязную работу; Эдуард – за пафосное объяснение причин такого трудолюбия. А зрители как бы сами подсказывали паре следующий шаг, исходя из самых благих побуждений.

Вот и в тот день, расчувствовавшись и досидев до финала спектакля, несколько деятелей искусств сами предложили, чтобы не подвижность старика перешла в заботливые руки Эдика и Кирочки.

Кирочка лишь всплеснула руками и со словами «Да как можно сейчас об этом говорить», залилась слезами.

В Эдуарде, напротив: проснулся «Актёр Актёрович» и он, театрально жестикулируя, старался объяснить каждому: почему именно в такое тяжелое время важно оставаться бескорыстными людьми.

Итог спектакля: оператор наелся на три дня вперёд. Адвокатша и актёришка показали всем своё благородство и то, как тяжело ухаживать за неходячим инвалидом. Актёрская братия поняла: овчинка выделки не стоит. Если кто и захочет получить квартирку Фимы, корячится придётся долго и тяжело.

Первая проблема

Прошло 3 месяца. Всё это время пара ютилась на Фими-

ной кухне и обеспечивала старику уход 24/7. Имелся единственный плюс нахождения супругов в маленькой квартирке, который перевешивал все минусы: только круглосуточное дежурство возле больного оператора уберегало Киру и Эдика от возможных попечителей или наследников. В итоге, всех соседок как ветром сдуло, а из актёрской братии приходили лишь те, кто приносил еду, а не наоборот: обчищал холодильник.

Однако ни объективно хорошая, хоть и небескорыстная, забота Киры и Эдика, не могла отодвинуть неизбежного. Несмотря на титанические усилия, улучшений Фиме это не приносило. Старик таял на глазах.

С той же скоростью, как увядал оператор, уменьшались шансы законно оформить на себя квартиру. Институт прописки в новой России отменили недавно. Следовательно, прописаться и заявить права на однушку уже невозможно. Нужен переход права собственности. Благо, Ефим до инсульта успел приватизировать единственное жильё. Потому помогла бы дарственная. Это может оформить нотариус. Но к нотариусу, по факту полностью невменяемого человека, вести опасно. Неизвестно: что выкинет оператор или сам нотариус! Фима мог взбрыкнуть и намекнуть: супружескую чету видит первый раз в жизни. В этом случае нотариус мог отказать в заверении документов. Или вовсе: запомнить старичка и передать кому надо контакты потенциального дохода, обладающего недвижимостью. Потому уставшим и по-

что отчаявшимся Кире и Эдику, оставалось надеется на чудо.

Вдруг, как сосулька, на голову свалилась племянница старика. Когда речь идёт о недвижимости в столице – даже седьмая вода на киселе становится близкой роднёй. Племянница оказалась с гонором и с порога заявила: старика она перевозит в Рязань и, сдавая его столичную квартирку, будет оплачивать ему уход.

Не дожидаясь согласия, племянница стала вытаскивать вещи старика из шкафов и расфасовывать всё по сумкам. Эдуард словно врос в линолеум. Кира, от стресса, впервые в жизни стала что-то бормотать под нос. Лишь вопрос племянницы о паспорте старика вернул адвокатшу в реальность.

– Документы вы не получите! – с интонацией судьи, произнесла Кира.

– Тогда получу через милицию или через суд. – парировала племянница.

– Эдик, звони коллегам. Нужно Фимочку спасти. Но сначала звони его режиссёру. – голос Киры звучал, как приказ.

Тут Эдуард вышел из ступора и твёрдой походкой направился к телефону.

– Сергея Сергеевича Каратова будьте любезны к аппарату?

Фамилия «Каратов» известна всей стране. Это был один из немногих деятелей культуры прошлого, который был на плаву и при новой власти. В одичалой действительности од-

но только упоминание: «Я от Сергей Сергеича» решало многие вопросы. Племянница, услышав это имя, вздрогнула. Но тут же взяла себя в руки и продолжила запихивать вещи дяди в свои сумки.

Эдуард ещё несколько минут что-то лепетал по телефону, как вдруг застонал старик. Племянница даже не подошла к нему. Подбежала Кира и, дав обезболивающее, с укоризной посмотрела на родственницу.

– Ну и не стыдно же вам! – искренне заявила Кира.

– Не стыдно! – ответила та. – Я же добиваюсь того же, что и вы! Чего вокруг на около ходить. Но у меня больше прав на жилплощадь. Вот и всё!

– И вы вот так, прямо об этом говорите? Фимочку вы же просто не довезете. Он же по дороге...

– Возможно, вы и правы! Тогда я здесь поживу, пока всё оформляем. Ну а там посмотрим. Давайте-ка вещички ваши собирайте и выметайтесь из моей квартиры. Или вам помочь?

Кира села на край стула и будто окаменела. Вскоре к ней подошёл муж и на ушко прошептал:

– Каратов лично приедет. Везёт и ментов и врачей. Сидим тихо и ждём.

Через час раздался звонок в квартиру. Дверь открыла племянница и тут же попятилась назад.

– Добрый день! – учтиво поздоровался Сергей Сергеевич Каратов. На удивление, мэтр говорил мягко и тихо. Со сто-

роны могло показаться, будто учитель по этикету даёт урок. Для знающих его характер, людей, это являлось очень плохим признаком. Каратов, словно удав, предпочитал незаметно и тихо сжимать кольца вокруг горла своей жертвы.

Он «барин» вошёл в маленькую квартирку и за ним, будто холопы, засеменяли врачи и сотрудники милиции. Два человека в белых халатах сразу обступили Фиму и стали перешёптываться. К ним подошёл Эдуард с медицинскими документами и включился в консилиум. Менты, словно телохранители, встали возле дверей и наблюдали за происходящим.

– Здравствуйте! – продолжая отступать, выдавила племянница. – В чём дело?

– Меня зовут Сергей Сергеевич! – Каратов протянул свою холёную и мягкую руку.

– Лида, я... это... племянница Ефима! – она пожала протянутую руку в ответ, при этом продолжая пятиться.

– Как вы знаете: Мы с Ефимом много работали в прошлом и его судьба мне не безразлична.

– Ну да... – кивнула племянница.

– Я понимаю: время нынче сволочное. Потому позвольте вопрос: что вы намерены предпринять? – с фирменной улыбкой Чеширского кота, произнёс Каратов.

– Ну я, это...

– Мы здесь все люди взрослые! Мы даже готовы оказать вам посильную помощь. Для нас всех важно, чтобы здоровье

нашего коллеги не подвергалось опасности.

– Короче... Я планировала его увести к себе, в Рязань. Но с переездом ему никак?

Тут племянница кинула взгляд на врачей. Один из них невозмутимо произнёс:

– В его состоянии он нетранспортабелен. Вы его не довезете даже до вокзала. С его-то букетом заболеваний...

– Тогда я здесь поживу! – заявила племянница.

– Вы можете гарантировать круглосуточный уход? – нарочито вежливо спросил Каратов, погладив наманикюренными пальцами свои роскошные усы.

– Три дня точно смогу, потом найму кого-нибудь.

– А по оплате как? Сиделка дорого стоит. – в голосе Каратова было столько теплоты, что у племянницы даже и мысли не возникало: что на самом деле у Каратова на уме.

– Я думала его квартиру сдавать и, взяв его к себе, оплачивать дома сиделку. Я ведь работаю...

– Но вы же сами видите: его перевозить нельзя!

– Тогда буду искать деньги. Нанимать кого-то здесь и приезжать на выходные.

– Вы можете гарантировать, что эти сиделки будут хорошо делать своё дело?

– Гарантировать никто ж не может. – ухмыльнувшись, племянница надеялась, что её шутку поддержит великий Каратов.

– Так если вы ничего не можете гарантировать – зачем

мучить человека? – зло прошипел метр.

Племянница вся сжалась. Тут она поняла: ей расставили ловушку, и она в неё легко попала. Ей уже нечего было терять. Потому она решила выложить все карты на стол:

– Ну а вы, как коллеги, не хотите ему помочь?

– А мы-то как раз и помогаем! Вот только я с Ефимом не только работал, но и дружил более тридцати лет и ни разу вас с ним не видел. Он никогда не рассказал про племянниц. Посоветуйте: как нам поступить? Есть вы, которая представляется его родней. Есть эти два немолодых человека, которых многие лично знают. Ответьте: даже если мы соберём деньги на сиделку: кому мы их доверим?

– Но квартира-то моя! – выпалила племянница.

– Спасибо за честность! – ухмыльнулся Каратов. – Но тогда вы или обеспечиваете достойный уход вашему дяде, тратите своё время и деньги, как эти два человека, которым вы нахамили, или...

– Не хамила я им! Чего я здесь стою и перед всеми вами оправдываюсь? – завелась племянница. – Я приехала к дяде. Тут незнакомые баба с мужиком орудуют в его квартире!

– Когда у вашего дяди случился удар? – неожиданно мягко спросил Сергей Сергеевич.

Как ни крути, Каратов был гениальным переговорщиком. Он знал: когда и почему нужно сбавить темп и перевести тему. Это умение помогало ему в прошлом пробивать на худсоветах свои картины и об этом мастерстве ходили легенды.

Вот и сейчас, максимально благодушно, стал говорить Сергей Сергеевич вроде как на отвлечённую тему. Это произвело на племянницу эффект вылитого на неё ушата холодной воды. Она оцепенела и, словно находясь в анабиозе, стала отвечать:

– Я узнала об этом месяц назад...

– А почему сразу не приехали? – словно обращаясь к умалишенной, спросил мэтр.

– У меня тоже работа и семья своя есть...

– Так это нормально! У вас свои заботы. Так и давайте оставим возможность людям, которые отлично справляются с уходом, и дальше продолжать делать свою работу! А вы занимайтесь семьёй. Давайте честно: ведь вам нужна квартира дяди. Сам он вам не нужен. Хотели бы приехать и помочь – расстояние из Рязани до Москвы не тысячу световых лет!

– Ни вам, ни этой бабе с её мужиком, распорядиться квартирой. – честно выпалила племянница.

– Но уже и не вам! Лично я приложу все силы, все свои связи, чтобы такой вот родственнице не досталось даже мыльницы из этой квартиры. Вы приезжаете в дом, по сути, постороннего вам, человека. Ещё нужно доказать ваше родство. Были бы вы действительно были близки, не ждали бы 30 дней, а сразу, как только стало известно об инсульте, приехали к дяде. Кстати, инсульт у него случился давно. Где вы, как родственница, были всё это время? И вы предлагаете после всего этого доверить вам жизнь нашего коллеги? Вы

предлагаете нам собирать деньги и отдавать всё вам? Вы думаете, что после всего сказанного вами, мы дадим вам вывести нашего коллегу черти куда?

Всё эту тираду Каратов выдал, не повысив интонацию ни на полтона. Всё говорилось так, будто врач сам обвиняет больного в неизлечимой болезни.

Племянница посмотрела на милиционеров и врачей. Выражение их лиц походило на морды доберманов из элитного питомника: такие же одинаково невозмутимые и готовые вцепиться в глотку по команде хозяина.

– Да пошли вы все на...

– И вам всего наилучшего! – победно произнёс Эдуард.

Племянница поджала губы и, чтобы не разреветься при людях, быстро схватила свою маленькую сумочку и выбежала из квартиры. После того, как захлопнулась входная дверь, Каратов тихо произнёс:

– И рождаются же такие мрази! Откуда она вообще взялась?

– Фима ничего не говорил о ней никогда. – ответила Кира.

– И я не слышал. Зачем вы вообще её пустили? – зло спросил мэтр.

– Мы думали: врач пришёл... – соврал Эдик.

– Ребятки, ну-ка выйдем на улицу. Это дело перекурить нужно.

Не дожидаясь ответной реплики, Каратов встал и открыл входную дверь. За ним, словно за всесильным Каа проследо-

вали два бандерлога: Эдуард и Кира.

Оказавшись на улице, Сергей Сергеевич сделал предложение, от которого не отказываются:

– Вот чтобы такие «врачи» не приходили, оформляйте-ка вы всё на себя, ребятки. С бюрократией я вам помогу. Есть у меня нотариус. Он умеет закрывать глаза на некоторые нюансы. По-другому квартиру нам сейчас не оформить на вас. Денег соберём, чтобы Ефим спокойно дожил. Чего сжались, а?

– Мы как-то не думали об этом! – очередь врать дошла до Киры.

– Пока вы не думаете, думают за вас! И чтобы Ефима отгородить от таких вот племянниц, и нужно это оформление. Смысл отдавать чужому, если вы со всем справляетесь? Если мы этого не сделаем, квартира отойдёт сиделке или очередной проходимице. Просто найдут стоворчивого нотариуса и Фимку на тот свет по-быстрому отправят. С вами он гарантированно дольше проживёт. Вот если по совести: вы ухаживаете, нигде не работаете, а вас потом за дверь просят, так вы ещё и соглашаетесь! Давайте уж и свою недвижимость оформите на племянниц Ефима. Только объявите о такой благотворительной акции – и у вас родни прибавится.

– Сергей Сергеевич! Мы ж в эти делах не очень понимаем... – Эдуард, как ему казалось, играл лучшую свою роль в своей карьере. Где-то в глубине души он ощущал триумф как профессионал. Ведь он, третьесортный актёр, дурачил

одного из лучших режиссёров современности.

– А надо понимать уже! – произнёс Каратов. – Телефоны мои знаете. Ефиму денег соберём. Надо бы фонд организовать, а?

– Вы имеете ввиду фонд помощи старым актёрам? – стараясь не выдать заинтересованности, переспросила Кира.

– Ну или как-то по-другому это всё обозвать. Короче: позвоните мне. Организуем встречу. Я поговорю с министрами и возможными меценатами. Ну хоть кого-то из нашей старой гвардии удастся спасти от таких вот племяшек. Согласны фонд возглавить?

– Неожиданно всё... – заёрзала Кира.

– Передо мной бесполезно кокетничать. Зарплата будет. Но и ответственность тоже. Ну, чего скажете?

Эдуард и Кира кивнули. Каратов принял это как согласие. После чего все направились обратно в квартиру. Перешагнув порог, Сергей Сергеевич бодрым шагом подошёл к постели Фимы. Врачи отступили на несколько метров. Каратов что-то долго шептал своему оператору на ухо. Тот лишь моргал глазами. Когда этот странный диалог подошёл к концу, Сергей Сергеевич по-барски запахнул своё роскошное пальто и направился к двери. Вся вереница врачей и милиционеров, так же молча, как и пришла, удалилась вслед за ним.

Пара осталась наедине с стариком. Они были настолько взбудоражены, как всё разрешилось, что даже говорить друг с другом не могли первое время! Ведь одно только покрови-

тельство Сергея Сергеевича давало им индульгенцию от всех возможных грехов. Но они получили гораздо больше, чем рассчитывали. Ведь работа в фонде – это не только вожденная жилплощадь и затыкание завистливых ртов, но и постоянная зарплата. Каратов, словно фея-крестная, подарил им новую и безбедную жизнь.

Что касается самого Сергея Сергеевича, то у него имелись иные мотивы. По сути, он нанял бездарного актёра и его хлопотушку-жену, как нанимал слуг в своё поместье. Будучи человеком циничным, он смотрел на всё так: пусть уж лучше дать средства этой бездетной и нищей паре, чем постоянно сливать деньги на сторону. Дать денег на сиделку – не вариант! Для этого нужно всё контролировать. Но где взять время и будет ли с этого толк?

Уже несколько месяцев актёрская братия именно под предлогом «подкинуть монет на сиделку для Фимы» периодически брала у него деньги. Но по факту – до Фимы доходили лишь приветы на словах. Мараться и возиться с больным человеком, «заслуженным» и «известным» деятелям культуры не хотелось. Каратов это понимал и его это злило.

А тут подвернулась немолодая пара. Пусть им и достанется жилплощадь. Зато эти двое реально возьмётся с пелёнками и лекарствами. Был бы вместо них другой, с виду ответственный человек – Сергей Сергеевич и для него исполнил бы роль волшебника.

С одной стороны, нанимая их на работу, Каратов действи-

тельно мог помочь своему лучшему оператору. Фиму он и вправду и ценил, и уважал. Такой грустный финал его оператора – плевков уже в него самого.

С другой стороны, надавив в нужных местах на административный ресурс, можно сделать почти всё за счёт государства ну, или как минимум, сгенерировать приток средств от благотворителей. Деньги для его приятелей копеечные. Ему в таких пустяках некому отказать.

Прима

– Смотри-ка, Малинина как сильно сдала... – Кира наклонилась к Эдику и кивком головы показала в сторону худой и немощной старушки, которую поддерживали за скрюченные артритом, руки, две крепкие бабёнки.

– Так ей под 90 уже. Она ж из балетных. А там болезней ног хоть отбавляй! Вообще чудо, что конечности передвигает. – Эдик всем своим видом показывал своё плохое настроение.

– Тише ты, не хохми! Мы ж на похоронах.

– Да всем пофиг на Фимку. Ждут только отмашки от представителя Каратова, чтоб в заказанном им ресторане на поминках выпить и закусить.

– Тсс, мы ж у Фимкиного гроба. А ты как с цепи сорвался.

– Да ты сама посмотри на этих лицемеров и халявщиков! Пришли на кладбище, будто своего дедушку хоронят. А где они последние полгода были, когда мы за Фимой ухаживали?

– Ну уж не ты ухаживал, а я! – фыркнула Кира. – Ты мне

лучше объясни: что Малинина здесь делает?

– Поговаривают, у неё был роман с Фимкой лет сто назад. Ты только посмотри – как её эти две тётки окучивают. – Эдик с каким-то пониманием покачал головой, будто это был некий тайный знак, которым обменивались недобросовестные опекуны пожилых людей.

– А ты бы не окучивал? – с ухмылкой заметила Кира.

– На что окучивать? – Эдик тяжело вздохнул. – Каратов, собака, обещал деньги. Так с этой инфляцией нашим двадцати старикам только на хлеб и кефир хватает. Он всё только языком триндит: увеличит выплаты и всё в валюте станет передавать. И где это?

– Чего ты так раздухарился? – Кира из последних сил пыталась утихомирить супруга.

– Достало меня всё! Ты посмотри на сборище знаменитых пенсионеров: через год – это ж клиенты нашего фонда! Каратов всех просителей к нам направляет, а сам не выезжает из своего поместья в Европе. Нам старичьё как прокормить? Кефир в пипетке им разносить?

– Ну хоть у нас с тобой хоть какая-то работа и зарплата, а у них ничего.

– А мне надоело за гроши корячиться!

– А мне надоело твои жалобы выслушивать. Квартиру на себя оформили. Всё грамотно сделали через Каратовского нотариуса. Сейчас на ремонт накопим – и новоселье можно справлять. Чем ты опять недоволен?

– Тоже мне: поймала птицу счастья за крыло! По факту, мы с тобой вдвоём: и сиделки, и лакеи, и уборщики, и похоронное бюро. А квартиры после стариков отходят всё равно государству или чужой родне. Смысл фонда?

– Придурок! Я тебе сто раз говорила: на фонд ренту сложно оформить. Нужно менять устав. Но все наши попечители наверняка будут против. Тогда получается: из-за квартир мы ухаживаем, а не по велению сердца. А Каратову и остальным благотворителям – главное чистенькими остаться. Они думают: на их сраные две-три тысячи долларов можно прокормить и вылечить дюжину стариков.

– Ну так сделай хоть что-нибудь? Ты же законы знаешь! Почему мы пашем за гроши и смотрим: как квартиры другим отходят!

– Раз ты такой инициативный, сам иди к другим юристам и консультируйся. Они тебе мои слова подтвердят: такие сделки...

Так и продолжали бы спорить супруги, если б, словно из-под земли, не возникла тень старушки. Седые волосы, белые одежда и аксессуары делали её похожей на призрака. На удивление, призрак оказался весьма разговорчив:

– Добрый день! Примите мои самые искренние соболезнования! Мне Сергей Сергеевич всё в подробностях поведал: как вы опекали Ефима и как помог ваш фонд.

– Фонд не наш, а был организован известными людьми для поддержки артистов. – как можно пафоснее промолвил

Эдуард. Увидев хотя бы одного зрителя, он распрямылся и мгновенно вошёл в роль благотворителя. – Однако если бы не усилия и протекция Сергей Сергеевича...

– Ну что вы! – всплеснула руками старушка. – Фонд был бы мёртв без вашего участия, как и большинство обитателей данного места.

– Вы сильно преувеличиваете наш вклад. – закокетничала Кира, также включаясь в разыгрываемую перед старушкой пьесу под названием: «Самые бескорыстные благотворители – это мы!»

– Какое тут преувеличение... – старушка вдруг погрузилась. – Вы обратили внимание на сопровождение Малининой?

– Пожилому человеку сложно без поддержки. Ничего странного не вижу. – безучастно сказал Эдуард. Тут он понял: к чему ведёт вся эта светская беседа и старался делать всё возможное, чтобы в будущем старая балерина и её подруга не обременяли их фонд своими просьбами.

– Ну как же можно быть таким доверчивым! – старушка явно обиделась, так как ожидала другой реплики. – Я уж и с Сергей Сергеевичем всё обсудила. Нужно помочь великой артистке!

– А чем мы можем помочь? – Эдуард излишне театрально развёл руками. – Фонд предназначен для поддержки совсем уж малоимущих деятелей культуры и искусства. Но на нищую Малинина мало тянет, уж извините за прямоту. Плюс

у неё, насколько мне известно: и дети, и внуки и даже пра-
внуки есть.

– Вот именно, что есть! Но перед нами – картинная семья. Всё на показ. А за ширмой – безразличие, введённое в Абсолют с обеих сторон. Я дружу с Малининой более 60 лет. И, хоть я безмерно уважаю её и отдаю дань её гениальности, в скотском отношении к ней своих близких она виновата сама. Она всегда выбирала сцену. Причём пустую сцену: без детей и внуков. На этой сцене лишь одна прима – сама великая Малинина! Ну, чего-то я увлеклась. На мой взгляд: с ней последние полгода твориться нечто страшное.

– Ну а как вы видите помощь фонда? – Эдуард даже не побоялся собственной равнодушной интонации.

Тут он решил сбросить опостылевшую маску благодетеля, потому не стеснялся говорить всё, как есть. Ведь лишнего рта, пусть это хоть и рот «народной СССР», их фонд уже не потянет. Не говоря уже о том, что персона великой мировой примы балета – не вязалась с самой сутью деятельности их организации.

Одно дело – взять же под опеку одинокого, пожилого и нищего пенсионера. Но совсем иной колленкор – носить авоську с продуктами той, о чьих капризах и вздорном характере по Москве ходили легенды. Не добавлял оптимизма и тот факт, что у балерины живы близкие родственники. Не перепишешь же ради неё устав фонда и не попросишь сильных мира сего выделить отдельный счёт для великой примы?

Их фонду выделялись реально крохи: несколько тысяч долларов в месяц. Такого «бюджета» с трудом хватало на недорогие лекарства, оплату нескольких сиделок, скромный продуктовый набор. Но даже такой патронаж оказался востребованным. Попасть под опеку фонда – являлось счастьем и спасением жизни для многих стариков. Вот прямо в буквальном смысле: спасением жизни! А тут бац... прима! По меркам даже сегодняшнего дня – миллионерша. Да ещё и с премьерскими запросами, причудами и апломбом. Она не оценит пачки кефира и аспирина. Она сочтёт такой «набор» за оскорбление. И как ей объяснить, что денег на большее физически нет?

– Я понимаю, о чём вы думаете! – вдруг голос старушки-призрака зазвучал очень проникновенно. – Давайте начистоту. У вас фонд для малоимущих и одиноких. Малинина ну никак не подходит вам по определению. Здесь вы правы! Но ваш фонд – единственная и уважаемая организация на постсоветском пространстве, которая заботится об известных пожилых людях. Мы, друзья Малининой, готовы перечислять деньги в фонд, чтобы вы или ваши сотрудники хотя бы её навещали.

– Да не в деньгах же дело! – на удивление искренне возразил Эдуард. – У нас и рук-то свободных нет. Да и на каком основании мы придём к Малининой в дом?

– Вот вы правильный термин выбрали: «основание»! – старушка оживилась так, будто ждала именно этого слова. –

Вы, как фонд, то есть как незаинтересованные лично, люди, можете просто навещать Малинину. Нам важно понять: что задумали эти две домработницы? Получает ли Малинина лечение? Например, недавно она отказалась от плановой операции. А месяц назад за границей на аукционе всплыли картины из её коллекции. По документам всё чисто: вроде как Малинина сама всё продаёт. Но она никогда, понимаете: ни-ког-да не пошла бы на продажу этих картин! Я это точно знаю. У нас есть опасение, что её не только обворовывают, но существует прямая угроза её жизни.

– А вы, сами...? – Кира хотела было напрямую спросить: почему руками их фонда планируется сделать всю грязную шпионскую работу и зачем в принципе такая конспирация.

– Правильный вопрос... – старушка грустно покачала головой. На лице призрака появились слёзы. – Извините меня, не могу сдержать эмоций... Много месяцев длится этот ад вокруг Малининой и я места себе не нахожу. Нас, настоящих и равнодушных друзей, коллег и учеников – около 20 человек. И никого из нас эти непонятные сиделки с самого первого дня своей работы не подпускают к Малининой. Вот поверьте: вообще не подпускают! По телефону нам звонить бесполезно: на все звонки одна реплика: «Что передать?». На улицу Малинина не выходит. В квартиру нас не пускают.

– Прямо вообще не пускают? – удивился Эдуард.

– Вы мне, наверное, и не поверите... Мы даже сантехников подкупали из ЖЭКа. Но их в комнату к Малининой

не допускают. Всех врачей, которые лечили её, отвадили. Я больше скажу! Когда эти дамочки выходят в магазин, мы их буквально вылавливаем. А они, как партизанки, односложно отвечают на наши вопросы. Я надеялась: Малинина не пропустит прощание с Фимой. Потому и я здесь. Я пыталась к ней подойти, но вы только посмотрите на неё: она, будто под препаратами! И меня, она, кажется, даже не узнала. Эти дамы на мои вопросы не отвечают. Отвели её под руки до такси, и уехали.

– Я понимаю и сочувствую всем вам. Мы бы и рады помочь. Вот только чем конкретно? – Кира хотела, чтобы старушка-призрак точнее сформулировала свою просьбу сама. За неё она этого делать не собиралась.

– Мы уже и сами не знаем, куда обратиться. Но может у вас получится передать ей, для начала, подарки от нас? Скоро 9 мая. Так как вы от фонда, вас просто обязаны хотя-бы на порог пустить.

– Если Сергей Сергеевич не...

– Конечно не возразит! Он и посоветовал ваш фонд. Сказал: вы здесь будете и мне лучше подойти и поговорить с вами напрямую. Вы же знаете: Каратов мне приходится племянником. Да и меня вы должны помнить по работе в Министерстве культуры.

Старушка-призрак посмотрела на них так, будто от согласия Киры и Эдуарда зависела её жизнь. Кира бросила мельком взгляд на Эдика и поняла: он думает то же, что и она.

Отказать Каратову, как одному из основателей фонда, они не могли. Ну а тот факт, что Каратов использует фонд для решения проблем своей многочисленной и высокопоставленной родни, оптимизма не прибавляло. Ведь если и дальше так пойдёт: их фонд будет работать на тётю и дядю Сергея Сергеевича. А Эдуард и Кира, по сути, станут по-холопски выполнять приказы.

Что делают в этой ситуации умные люди? Правильно: ищут оптимальное решение, которое уравнивает интересы всех сторон! Пара решила не отказывать, а сделать то, что просят. То есть: согласиться, сделать визит к Малининой и отчитаться перед всеми: почему у них ничего не вышло. Шансы добиться хоть какого-то успеха, равнялись нулю. Но так они могли и свою работу в фонде сохранить, и в будущем подобные просьбы свести к минимуму. Главное, как любила повторять Кира: «Обстригать всё нужно грамотно». Через три глубоких вдоха, она произнесла:

– Конечно, ситуация очень скользкая. И гарантировать вам информацию о Малининой, равно как и то, что нас в принципе на порог пустят, мы не можем.

– Мы все всё понимаем! Но нам, близким, важно знать ситуацию, так сказать, изнутри. Очень хорошо, что эти две домработницы вас сегодня здесь увидели и поняли: вы фонд представляете. Я вам адрес Малининой напишу, договорились?

– Разумеется! И пожалуйста, свой телефон, – покорно

произнесла Кира.

После того, как старушка-призрак растворилась на кладбище, Эдуард и Кира постояли ещё немного, и, вместе с сотней «друзей» почившего оператора, отправились в ресторан.

Через две недели к одному из самых элитных домов столицы, подходила немолодая супружеская пара.

– У Малининой, небось, квартирка с видом на Кремль? – протянул Эдик, проходя через парадную арку во двор.

– А ты как хотел! Советская власть, по-твоему, народную артистку должна селить в хрущёвку, чтобы той жить ближе к народу? – ухмыльнулась Кира.

– Погоди-ка... – внезапно Эдик вытянул, словно шлагбаум, собственную руку, и пара замерла на месте. – Видишь там, у помойки?

– Домработница Малининой, которая на кладбище с ней была? – подметила Кира.

– Она самая! Какую-то коробку вынесла... – сказав это, Эдуард сделал несколько шагов назад и за рукав стал тащить свою супругу обратно под арку.

– Ты смотри, будто оглядывается по сторонам? – тихо прошептала Кира.

– Прячет чего, не пойму? Сейчас она уйдёт, и мы поглядим: чего она выносит.

– Ты в помойке рыться будешь? – Кира нарочито поморщилась, зная о брезгливости супруга.

– Никто нигде рыться не будет! Коробку она положила ря-

дом. Видимо тяжело в контейнер запахнуть.

– Странно, в таких домах чуть ли не индивидуальный мусоропровод должен быть.

– Ты глянь на коробку? Она не поместится в мусоропровод!

Через минуту супруги подошли к помойке. Тут они стали вести себя, как им казалось, словно профессиональные шпионы. Чтобы домработницы их не смогли ни в чём заподозрить, Кира и Эдик, встав спиной к окнам, стали разворачивать упаковку, в которой были завёрнуты цветы для примы. Заветная коробка находилась в нескольких метрах от них. Кира будто «случайно» положила упаковку от букета прямо на коробку. Эдуард будто так и надо было, расправил упаковку от букета по длине и ширине коробки. Он собирался взять коробку и отнести её в арку. По его задумке, всё это должно походить на то, что он будет тащить «потяжелевшую» упаковку от цветов, а не коробку.

– Догацишь? – спросила Кира, демонстративно отделяя розу одну от другой.

– Ну если та баба смогла поднять, то я и подавно подниму. Теперь ты развернись лицом к окнам и делай вид, что цветы перебираешь. Я пока коробку в арку оттащу. Тебе знак дам – ты подходи.

– А если они заметят?

– Мы ж с тобой обо всём договорились: нам этот визит для галочки. Заметят – нам же лучше. Не будем лишний раз

позориться. – безразлично буркнул Эдик.

– Вдруг в коробке старый пылесос?

– Не усложняй! Делай, что я говорю!

На удивление, дебильный план сработал. Пока Кира перебирала цветы, Эдуард спокойно вынес в арку коробку. Они так и не узнали: видел ли их кто-нибудь. Однако, открыв коробку, пара поняла: свою программу максимум они уже выполнили.

– Звони этой, как её там, подружке Малининой! – выдавила Кира через пару минут после изучения содержимого коробки.

– И про шприц говорить? – спросил Эдик.

– Не говорить, а кричать! И пафоса театрального нагони побольше – наша номенклатурная интеллигенция это любит. Короче: пусть все немедленно к дому Малининой приедут. Лучше при них милицию вызывать. Только ты коробку оттащи в скверик. Нас пока видеть не должны.

Через полчаса в скверике собралось четверо: пара благодетелей, молодая прима-балерина и старушка-призрак. Старушка снова вырядилась во всё белое. Однако «образ привидения» не помешал ей голосить громче всех:

– Я так и думала, я как чувствовала... всё к этому шло!

– Нужно звонить в милицию и в скорую. – предложила Кира. Она старалась, как могла, вносить конструктив и не давала другим впадать в истерию.

– Но что мы им скажем? – промолвила действующая при-

ма столичного театра.

– Правду и скажем! Нашли коробку, которую вынесла домработница. В коробке – архив Малининой. Её дневники и фотографии. Помимо всего, на дне коробки обнаружены шприц и упаковка от транквилизатора. Дети за границей. Других близких родственников нет. Пусть милиция сама разберётся в ситуации и пусть врачи оценят состояние здоровья Малининой.

– Ой, милочка, Кирочка... – задыхаясь от волнения, произнесла старушка-призрак. – Сделайте всё, пожалуйста! А ты, Алечка, – тут старушка обратилась к молодой балерине. – Позвони, пожалуйста, папе. Он же в органах работает. Пусть поможет или пришлёт кого-нибудь. Ведь Малинина – твоя наставница...

– Ну что ж вы такое говорите! – видно, молодая балерина обиделась на эти слова. – Конечно же я папе позвоню.

Прошло каких-то 20 минут, и у двери Малининой стояли люди в погонах и белых халатах. Домработницам ничего не оставалось делать, как ответить на назойливые звонки представителей власти и впустить всех в квартиру.

Как только врачи увидели Малинину, тут же стали разворачивать носилки. Всем, кто зашёл в квартиру, стало ясно, почему врачи собираются её госпитализировать.

Малинина походила на мумию. Она полулежала в кресле и едва шевелила бледными губами. Добавлял драматизма и тот факт, что прямо над креслом, где она умирала, висел её

же парадный портрет. На нём известный советский живописец изобразил Малинину в партии, ставшей её визитной карточкой: «Умиравший лебедь».

Милиционеры, тем временем, стали делать свою работу. Видя растерянность домработниц и их нелогичные объяснения: на каком основании они находятся в квартире прима-балерины, милиционеры стали давить на них. Домработницы, то ли от испуга, то ли от осознания того, что натворили, говоря на определённом сленге, «раскололись».

С их слов, сильнейшие транквилизаторы привозили... новые хозяева квартиры. Ведь несколько месяцев назад Малинина сама подписала соответствующие документы, по которым квадратные метры с окнами на Кремль, отходили двум племянникам балерины. Во всяком случае: они так представились и щедро платили им за уход за своей «тёткой».

На вопрос: знали ли домработницы, какие препараты они давали, что за шприц сегодня вынесли в коробке и есть ли у них медицинское образование, обе отнекивались. На следующий вопрос: почему они ограничили общение балерины с друзьями, снова сослались на племянников. Мол: те сами просили оградить их «тётку» от всех посетителей.

Люди в погонах попросили домработниц одеваться и ехать в отделение. Далее, милиционер подошел к старушке-призраку и молодой прима-балерине с вопросом:

– Как можно связаться с детьми?

– У меня есть их телефон в Америке. Но у них были жут-

кие отношения...

– Мы обязаны сообщить! – строго заметил милиционер. – Вы часто бывали в доме гражданки?

– Мы дружили более полувека... – не скрывая слёз, ответила старушка-призрак. – Естественно, я часто бывала у неё в доме...

– Можете оценить: всё ли на месте или что-нибудь пропало?

– Вы тоже заметили? – вклинилась в разговор прима-балерина.

– Голубушка, ну как этого можно не заметить...

– О чём вы? – оживился милиционер.

– Как о чём? – вскрикнула старушка. – О картинах! Вы что, не видите: пустые стены?

– Что это были за картины? – приготовив ручку и блокнот, спросил он.

– Малинина обладала уникальной коллекцией русских художников. Вот здесь... – старушка, словно по разорённому музею, стала вести экскурсию, показывая на пустые стены. – Вот, видите? Даже следы остались от большой картины? Здесь висел подлинник Айвазовского. А вот здесь, рядышком, маленькая картинка висела. Но это была самая любимая картина Малининой... Художник Федотов. Он рано ушёл из жизни и после него осталось чуть более 120 работ. Эту картину моя подруга планировала передать Третьяковской галерее после своей кончины. Впрочем, как и другие

работы таких художников, как: Левитан, Суриков, Репин...

– Какие-нибудь из перечисленных вами, картин художников, в квартире есть? – без надежды в голосе спросил милиционер.

– Ни-че-го... – отрапортовала старушка-призрак.

– Если все подлинники, то их стоимость огромная?

– Я понимаю: вам нужно по должности оставаться циничным и всё привести к цифре. Но поймите: картины бесценны. Вдруг, мне знакомые сообщают: несколько картин из коллекции Малининой выставлены на аукционах. А ведь мы с Малининой все документы подготовили, чтобы никаких проволочек при передаче их в музей, не возникло. Оставалась лишь её подпись. А картины... Это же народное достояние. Это же...

Тут старушку накрыла истерика и опрашивать её не имело никакого смысла. Кивком головы милиционер подозвал врача. Старушку положили на носилки и увезли на скорой вместе с её же подругой.

– Ещё одно... – тут взяла слово молодая балерина.

– Что-то ещё пропало? – уточнил милиционер.

– Я не могу рыться в её вещах. Но моя наставница никогда не снимала любимого кольца. Вот и на известной картине вы это кольцо можете увидеть. Но вы обратили внимание: какие у неё артритные руки? Самостоятельно снять кольцо невозможно!

– Что это было за кольцо? – милиционер без всякого ин-

тереса задал вопрос. По опыту он знал: в жилище таких именитых хозяев, пропадает не бижутерия, а настоящие сокровища. Особенно у артистов, чья слава гремела по всему миру и кто был обласкан любовью поклонников и власть имущих.

– Огромный и редкий голубой бриллиант. 10 карат.

– То есть... – хотел было уточнить милиционер. Но молодая балерина тут же всё поняла и ответила:

– Это по-настоящему царский камень редкой расцветки. Второго такого бриллианта, можно сказать, не существует! Цена на рынке: под сотню тысяч долларов. Я цену бриллиантам знаю и, если его продать, как раритет, который ранее носила великая Малинина, а до этого он принадлежал королевской семье, то стоимость возрастет на порядок.

Всё это время Кира и Эдик стояли где-то позади. По их грустным мордашкам можно было бы сделать вывод: они далеко сочувствуют всему произошедшему. Но на самом деле всё оказалось иначе.

Их мысли, словно воронка сточной канавы, крутилась вокруг одного вывода: если бы они не обнаружили выброшенную коробку и не подняли бы кипеш, так в тихую и почила бы старушка. Ан нет! Заварилась каша и теперь они станут ещё и свидетелями.

Ведь судя по размаху и наглости, кончину балерины ускоряла крупная ОПГ. Только имея связи на самом верху, можно организовать как вывоз ценных картин за рубеж, так и в принципе покуситься на активы всемирно известной при-

мы. А свидетелей, как показала криминальная хроника новой России, подобные ОПГ в живых не оставляют.

С этими мыслями, Эдик подошёл к одному из милиционеров. Эдуард хотел видимо поделиться своими опасениями, но милиционер что-то записал на бумажке и, отмахнувшись от испуганного актёра, направился в другую комнату. После этого Эдуард вернулся к супруге и зло прошипел:

– Всё! Записали наши контакты и велели убираться. – он взял жену под руку и вывел на лестничную площадку. – Ты понимаешь: чем всё это нам грозит? Влипли мы с этой прима-балериной. А нам спасибо никто не сказал! Эх... мы ещё и под бандитов подставились...

– Хорошо, я настояла, чтобы именно та, молодая балерина, позвонила в милицию! У неё папа в органах. Её тронуть не должны. А мы на фиг никому не нужны... Хотя...

– Опять ты свою резину тянешь! – завопил Эдик. Хорошо, что в тот момент они уже вышли во двор и никто не мог услышать их ругани.

– Не кипятись! Квартира – это фигня. А вот картины... Их никто не вернёт. А вырученные деньги от реализации народного достояния в разы больше, чем сто таких квартир. Старушка же в таком состоянии, что заявление, скорее всего, не напишет. Детям и внукам – пофиг на бабкины миллионы. Иначе бы сидели рядом с ней, как приклеенные. Сядут только эти две дуры домработницы. Бандитов не найдут. Так что нам особо опасаться нечего.

– Точно нечего бояться? – Эдик задал вопрос так, будто наконец дождался подтверждения: он вылечился от неизлечимой болезни и теперь может жить на полную катушку.

– Ну я бы так не сказала. Я вообще о другом подумала.

– О том, что нам бы тоже неплохо квартирки начать оформлять? – с надеждой в голосе произнёс муж.

– А почему бы и нет! – выпалила Кира. – Я знаю несколько криминальных нотариусов. Оформим всё грамотно и ни один суд не подкопается. Есть врачи. С ними можно консультироваться по препаратам. В фонде никто ничего не узнает. Не нарушая закон – нарушим закон!

– Ох уж мне эта твоя фраза! А как ты всё мимо фонда проведёшь?

– Легко! Давай-ка по набережной прогуляемся до нашего дома?

И вот, немолодая пара, взявшись за руки, побрела по весенней и празднично украшенной, набережной. Время и место для променада идеальное: пригревало солнышко, но с воды доносился прохладный и свежий ветерок. Всё смотрелось романтично, если не вслушаться в разговор:

– Ты – дурак! – зло прошипела Кира, после очередной словесной тирады супруга. – Привык за моей спиной отсиживаться. Ни законов не знаешь, ни в говне ковыряться не способен. Как же! Ты же потомственный актёр! Дворянин. А я кто? Родители – простые московские рабочие. Необразованные. Подпись моей бабушки на крестик похожа. Так ты лю-

бишь про нашу семью говорить?

– Марамойка, заткнись! Никто твоих предков не принимает. Больно надо! Я конкретно о нас говорю: зачем увеличивать количество подопечных? Какой смысл? – Эдик орал так, что прохожие стали оборачиваться.

– А я тебе в сотый раз повторяю: чем больше мы возьмём стариков под опеку фонда, тем незаметнее всё можно повернуть. Мы же не можем всех пенсионеров разом на тот свет отправить? Если оставлять свои квартиры нам будут лишь двое из сорока, и эти двое допустим, в течение года, отправятся на тот свет, это не вызовет много вопросов. Представим всё так, будто последнюю волю стариков исполнили.

– Так у нас уже сейчас денег на стариков не хватает. Если вдвое увеличим количество, нам не хватит даже на яблоки.

– Ну будем одно яблоко вместо двух приносить в месяц. Дарёному коню – зубы не пересчитывают. Главное для наших старичков – внимание!

– Тогда почему только хрущёвки у них брать? Вон посмотри на бандитов, которые обули Малинину. Ты сама сказала: куш они сорвали на сотни миллионов долларов. А мы, хуже, да?

– Конечно хуже! У тебя есть связи на таможне, в милиции, в органах? А бандиты? Где я тебе найду такую крышу? И ты готов с ними делиться? Придётся отдать не 10, 20, а может и все 90%! Или вообще нас грохнут, чтобы следов не

оставлять. Беспредел в стране полный. Чего дальше ждать – неизвестно. Потому безопаснее всё самим делать. Лучше синица в руке, чем...

– ...журавль в сортире! – закончил за неё Эдик.

– Зря язвись!

– Чего ты боишься? Давай найдём старушку с квартирой с видом на Кремль? К нам уже и так очередь выстраивается. Да и Каратов бэушную творческую элиту к нам пачками оправляет на попечение. У некоторых недвижимость в центре под сто метров. Выбора у нас до фига. Уж я свою роль отыграю на максимум! Чего мы за так этих нищевродов обслуживаем?!

– Ты всё же дурак... – Кира замотала головой.

– А ты трусиха! – Эдик аж подпрыгнул от злости.

– Я – реалистка. Вот ты думаешь – почему у бандитов не вышло с Малининой?

– А чего тут размышлять! Не успели её прикокнуть, вот и всё!

– Как бы не так! Когда на кону миллионы зелёных, всегда всё на виду. Думаешь всё началось, когда Малинина перестала на звонки отвечать? Фигушки! Её картины всплыли на аукционе. После этого её подруга подняла хай. Сам слышал: картины почти завещаны Третьяковке. А тут бац: всё мимо кассы. Если бы не этот аукцион, у бандитов, глядишь, и выгорело дельце. А так бучу подняли и бандитам лишь картины достанутся. Но стены, где раньше эти картины висели –

уже детям и внукам отойдут.

– Ну так мы просто квартиры отберем и всё. Никаких Айвазовских и Репиных никому и не покажем!

– Ты думаешь, кроме нас, желающих на такие сладкие квартирки больше нет? Да за каждым пенсионером со сто-метровой квартирой уже очередь стоит из участковых, мед-сестёр и бандосов.

– Вот только хрущёвки даром никому не сдались! – Эдик начал переводить всё в шутку, так как понял, что супруга, в итоге, окажется права. Но Кира не унималась:

– Представь себе, это так! Чем круче объект недвижимо-сти – тем больше конкуренция. К тому же у нас фонд, и ху-до-бедно прикрытие Каратовских дружков из правительства. Если бы мы прибирали к рукам огромные и дорогие кварти-ры – с нами, а точнее, с фондом, в открытую воевали бан-досы. Но когда на кону метраж в тридцать метров, и за это нужно сцепится с фондом, то серьёзным пацанам это не на-до. Овчинка выделки не стоит. Ну, а от мелких бесов мы и без фонда отобьёмся.

– То есть корячимся за копейки?.. – похоже, для Эдика положительный ответ Киры звучал бы, как приговор.

– Почему за копейки?! Вот сейчас у нас на попечении два подходящих старичка. Изотов и Кричевский. Им под девя-носто. Детей нет. Родственников не видно и не слышно. У них малюсенькие квартирки, но в отличных местах. Через нотариуса оформим дарственную и доживут пенсы в своих

же хатках. Зато к нам никаких претензий и риски минимальны. Препараты научимся давать в нужных дозировках. Врачей я найду...

– Я в медицине и в юридических делах ничего не понимаю. Но вот нужную таблетку дам с удовольствием. Даже уколы делать научусь и пелёнки стану менять!

– Ты?! Уколы? Пелёнки?

– Если надо – стану и пелёнки, и уколы, и всё, что скажешь, делать. Когда на кону миллионы, уже не до брезгливости. Ты лучше другое скажи: на кого оформлять-то будем?

– Квартиры? – уточнила Кира. – А на себя и будем!

– Нас могут как-то вычислить? – прервал её супруг.

– Будем кремировать. Для подстраховки. Но если не удастся сжечь, станем всё делать так, чтобы даже в случае эксгумации ничего криминального не нашли. Не будем наглеть и оформим всего две квартиры. Остальные – пусть живут! Чем дольше пенсионеры у нас доживают – тем выше к фонду доверие и тем больше квартир можно получить со временем.

– Но вдруг Сергей Сергеевич...

– Ну ведь всё через нотариуса! Старики так захотели. Мы же всего-навсего выполнили их последнюю волю.

– Может, спектакль разыграть? – не унимался Эдик.

– Ну какой ещё спектакль? – на выдохе произнесла жена.

– Как с Фимкой, помнишь? Снова всех пригласим. Пусть видят: как мы ухаживаем.

– Это на премьеру народ припёрся. И роль второго плана выполнял один из лучших операторов СССР. Повторно на немощных доходяг смотреть никто не станет.

– Так чего делать-то?

– А тебе прям роль благодетеля приглянулась? Вот очень хочется на сцену, да? – съязвила Кира.

– Чего ты мелешь... – муж снова стал закипать.

– Хочешь, значит, поиграть? А давай! Вот прям сегодня и репетиция. Придёшь домой и садись за телефон. Поздравляешь с праздником всех своих коллег. И попутно выясняешь за разговором: как их общение с близкими или родственниками? Не чувствуют ли они себя одинокими? Не нужно ли чего?

– То есть прощупать почву? Например – у кого родни нет, то принимаем в фонд?

– Ты так обещания не раздавай! Они работу с нашим фондом как подарок судьбы должны воспринимать. Потому с сегодняшнего дня твоя задача: постоянно общаться и держать руку на пульсе. Нам нужно создать что-то вроде листа ожидания. Помимо тех доходяг, которых нам списывает Каратов, нам нужны старики, чьи квартиры мы потом на себя сможем оформить.

– Как-то сутками трындеть по телефону – не для меня это... – проямлил Эдуард. – Одно дело разыгрывать, как Фиму из квартиры выживают. Другое дело – исполнять роль какого-то телефониста...

– Конечно! Тебе ж в белом пальто важно оставаться! Тебе сцену подавай! Глаза зрителей. Живые аплодисменты! – Кира вдруг стала отдавать поклоны.

– Кир, ну не справлюсь я. А вот у тебя на сто процентов получится. Ты же убедить сможешь любого. Да и информацию вытягивать – твоё профессиональное...

– Ещё предложения будут? Или мне опять всё одной тянуть? – поддела жена.

– Кстати, помнишь, как в фильме: «Москва слезам не верит»? Ну фраза эта: «На кладбище хорошо знакомиться?»

– К чему это? – Кира от изумления вылупила глаза.

– Ну ты сама подумай! Сейчас старики уходят пачками. Прощание – это не только традиция, но и долг. Вот мы и будем ходить на такие прощания и там клиентов искать!

– Впервые от тебя дельное предложение! – похвалила Кира. – А то заорал, как резаный: хочу кучу квартир в центре.

– Да это ты начала... Ладно, забудем спор! Хотя, если бы мы с тобой не поссорились, то, может, и идей бы не появилось. – Эдуард улыбнулся. Всё же у пары было замечательное свойство: они быстро отходили после ссоры.

– Кстати, насчёт идей! – Нам бы добиться, чтобы везде находится на первых ролях. И венок нести, и рядом с близкими родственниками сидеть. – Кира словно размышляла вслух.

– Это на кой? – удивился Эдик.

– Ты пораскинь мозгами! Мы должны быть везде! И нас должны все и всегда замечать! Только так у наших потен-

циальных клиентов сложится ощущение, что мы почти государственная организация и лично не заинтересованы в их недвижимости.

– Ну... если уже и дальше развивать твою мысль, то нам ещё нужно сдружиться с парой известных и пожилых деятелей культуры. Пусть все видят: кто с нами общается. Скажи мне кто твой друг, и я тебе скажу...

– Вот только... – прервала мужа Кира. – У нас из тех, кого все знают – лишь Каратов. А он в России редко появляется теперь...

– Из старой гвардии я могу подтянуть ну, пару известных режиссёров... композиторов... актёры... подумать нужно... Я для начала представлюсь им от Каратова и попрошу у них помощи для подопечных нашего фонда. Слово-за-слово и, глядишь, они станут друзьями или спонсорами нашего фонда! Так мы и их известные фамилии сможем поласкать. – предложил Эдик.

– Так мы с тобой запутаемся. Нужно записывать всё.

Кира как раз проходила мимо киоска. Остановившись, она и купила ту самую синенькую книжицу, которая через десятки лет займёт главное место в материалах уголовного дела.

Открыточки от тёти Киры и дяди Эдика

Случай с прима-балериной стал последней чертой, перейдя которую, немногие из оставшихся «человеческих» ценностей у Киры и Эдика испарились. Последние тормоза отказа-

ли и состав, где расположилась пара, мчал их от станции номер 159 с замысловатым названием: «часть 4 статьи 159 УК РФ «Мошенничество в особо крупном размере» к транзитной станции номер 125, которая именовалась: «статья 125 УК РФ «Оставление в опасности». Конечным пунктом назначения значилась остановка из трёх цифр: «105». То есть статья 105 УК РФ «Убийство».

А произошло всё потому, что супруги, после случая с Малининой, увидели настоящий размах аферы и реальный куш, который можно сорвать. Причём сорвать, не перетруждаясь и почти не нарушая закон! Ведь им, как сотрудникам фонда, и напрягаться особо не пришлось бы: подбирай одиноких старичков, которых в столице десятки тысяч, да переписывай их недвижимость на себя. Главное всё делать аккуратно и не привлекать лишнего внимания.

Как ни странно, но мозговой штурм, который состоялся во время прогулки по набережной, принёс свои результаты. Кира и Эдуард стали действительно «работать» более эффективно. Правда критерии этой работы мало бы понравились как прокуратуре, так и опекаемым пенсионерам.

Их рабочий день начинался с того, что Кирочка открывала свою синюю книжицу и смотрела на сегодняшнюю дату и дату на неделю вперёд. Это всегда была или праздничная дата, или дата смерти, или чей-то день рождения. Затем Кира давала поручение Эдику: написать открытку или отправить телеграмму. Супруг одевался и, несмотря на капризы пого-

ды, шёл в отделение почты. Там его отлично знали: ведь в день он мог делать от 1 до 300 отправлений.

Пара прекрасно понимала свою целевую аудиторию: старики испытывали ностальгию по временам своего расцвета. Потому получить телеграмму или открытку было для них особенно ценно. Такой старомодный способ связи, словно пароль. Так распознавался «свой», то есть тот, который не только знает: как, когда и с каким текстом присылать открытку или телеграмму, но и знает, как это правильнее сделать. Следовательно: сам по себе человек внимательный, чуткий и ответственный.

К тому же бомбардировка открытками и телеграммами устраивалась всем, кто так или иначе могли пригодиться их фонду. Это могли оказаться и бизнесмены, и сотрудники правоохранительных органов, и чиновники, и даже успешные артисты молодого поколения.

Например, сам факт отправки старомодной открыточки к празднику, иногда являлся поводом завязать непринуждённый разговор при удобном случае. В итоге, таким вот «открыточным» способом, фонду удалось получить не только поддержку, но и известность в самых разных кругах. Вскоре им стали выделять большее финансирование. Да и благодотворители из числа «открыточных» бизнесменов, госслужащих и артистов вносили немалую лепту. Не всегда это были просто финансы. Позднее, когда нужно было припугнуть слишком назойливого родственника в битве за недви-

жимость опекаемого старика, пара упоминала известные фамилии среди силовиков или предпринимателей. На многих родственников это производило эффект разорвавшейся под ногами, мины.

Получавшие «открыточку от тёти Киры и дяди Эдика» молодые и успешные артисты тоже вносили существенный вклад. Благодаря их протекции, руководители фонда смогли посещать топовые мероприятия, где завязывали нужные знакомства.

Как бы это не странно звучало, но их фонд в прямом смысле держался на открыточках и телеграммках. Потому каждый день несколько рабочих часов уходило именно на необычную «бумажную» работу.

Далее Кира перелистывала пару страниц своей синей книжицы, где на особой странице были написаны ФИО перспективных (то есть одиноких и не бездомных) стариков и старух. Кира садилась за телефон и время от времени прозванивала каждого. Она это называла «подготовить почву». Многих она окучивала годами. Старики не всегда принимали её помощь, но часто просили за других. Так или иначе и эта работа не проходила даром. Благодаря чрезмерной опеке и вниманию, Кирочка среди старых работников культуры прослыла чем-то вроде «Доброй Феи», помогающей дряхлым «Золушкам» то новой обувью, то провизией, то переездом на дачу.

Кирочка редко кому отказывала в таких просьбах. На то

имелись причины. Например: было чем отчитаться перед благотворителями в плане целевого расходования средств. Каждое вручение босоножек или сетки с мандаринами сопровождалось звуками затвора фотокамеры. Данный фотоотчёт всегда демонтировался попечителям. Ведь это подтверждало необходимость самого факта существования их фонда для чиновников и попечителей. Для следователей через несколько лет это станет отдельной головной болью: ведь негативов и фото насчитывалась несколько тысяч единиц.

Наконец, Кира или Эдик выступали не как частные (то есть заинтересованные) лица, а от организации. Это подкупало и, одновременно с этим, обезоруживало несчастных стариков. Те теряли элементарную бдительность. Ведь когда тебя годами обрабатывают и влезают в твой ближний круг, а иногда и этому ближнему кругу ещё и помогают, то ты сам рано или поздно поделишься сначала названием любимого лакомства своей собачки, затем откроешь дверь своего жилища, а потом, глядишь, сочтешь за честь, чтобы твоя квартира отошла не бездушному государству или родственнику, а уважаемым и заботливым людям.

Вот так за открыточками и телефонными звоночками проходила первая половина рабочего дня. Затем наступало время обеда. Супруги всегда старались обедать вместе. За трапезой происходило обсуждение планов на вторую половину дня. После этого, оставшиеся часы тратились на визит к патронируемым старикам, где пара демонстрировала скорбь-

но-участливые мордочки и обрабатывала свой хлеб.

Ясно, что удовольствия от таких посещений супруги не получали. Потому отдушиной становились светские мероприятия, презентации, фестивали, открытия или закрытия всего чего угодно. Кира и Эдуард стали чем-то вроде обязательного атрибута, вроде пригласительного билета или красной ленточки. Любое более-менее значимое событие никогда ими не пропускалось. Их мордашки насколько примелькались, что на некоторые мероприятия у них не спрашивали пригласительный.

Супруги не теряли зря времени на этих тусовках. Рыская глазами, они, словно хищники, выискивали нужного им, человека. Если персона медийная – с ней обязательно делали памятное фото. Таких фотографий скопились сотни. И для каждого случая «обработки» определённого пенсионера был собран особый альбомчик.

Если гость из силовиков или чиновников – то фоточка делалась для его подчинённых. Пару «профитов» предъявлением таких фотографий Кира и Эдик для себя в будущем получили. Бизнесмен? Тоже подойдёт для совместного фото. Как подсказывал их опыт: сегодня это просто денежный мешочек, а завтра, глядишь, серьёзный чиновник, способный по звонку решать сложные вопросы.

В связи с таким странным распорядком дня, возникает резонный вопрос: а посещали ли они собственный офис? Правильный ответ: «Они в офисе не сидят. Ищите их на дому у

наших подшефных». Чтобы озвучивать эту фразу, пара наняла секретаря и бухгалтера, которые с 9 до 19 часов гарантированно находились в офисе фонда и, как попугаи, твердили заученные слова.

Однако сам факт того, что Эдуард и Кирочка не просиживали штаны и юбки в фонде, опять же играла им на руку. Для всех выходило, что их пара постоянно загружена практической деятельностью. Если немногочисленным посетителям и удавалось их перехватить, то это, как правило, были встречи у дверей опекаемых пенсионеров.

Всё это: от продуманного текста в телеграммах и разговора по душам со стариками, до постоянного мелькания на похоронах или светских мероприятиях и личного визита к пожилым людям, добавляла «плюсов в карму».

Вокруг них образовалась аура нежно-розового цвета: их фонд ставился как пример и эталон среди подобных организаций; они, как основатели, являлись примером бескорыстия и истинной отдачи своей работе. Опекаемые ими, пенсионеры, в основном, жили очень неплохо.

Но... о другой стороне деятельности фонда догадывались лишь единицы. Первой начала прозревать бухгалтер фонда. Готовя очередную порцию документов в ненасытную налоговую, она обратила внимание на новый адрес Киры. По странному совпадению этот адрес был похож на адрес старичка Изотова, которого опекал их фонд. У Изотова ничего не спросишь – его кремировали в прошлом году. За Эдуар-

дом числилась квартирка, которая ранее принадлежала пенсионеру по фамилии Кричевский. Сам старик отошёл в лучший мир в том же году, что и Изотов и также был кремирован.

Задала ли бухгалтер вопросы? Нет! Ведь у дирекции фонда можно такие подробности выяснять, только когда задаешь их, держа в руке «заявление по собственному». Бухгалтерша правила игры понимала и приняла. Потому и промолчала. Время было нездоровое: как раз разразился кризис 1998 года. Потому даже такой работой нельзя брезговать. Уход пожилых пенсионеров выглядел вполне естественно. Ну а то, что пара владела объектами недвижимости, то в этом ничего предосудительного нет.

Однако чувствовать трупный запах от фонда стали и некоторые артисты, к которым парочка тянула свои липкие ручонки. Некоторые сразу посылали Эдуарда и Киру по известному каждому россиянину, адресу. А некоторые, не опускаясь до мата, держали глухую оборону и просто игнорировали любые «набивания» в друзья.

Если брать в цифрах, то минимум 5 из 100 человек, которых так или иначе облизывали представители фонда, всё понимали и видели Эдика и Киру насквозь. Все уловки липкой пары на них не действовали. У этих людей отсутствовали факты, доказывающие нечистоплотность руководства фонда. Но когда кто-то заводил разговор о паре благотворителей, эти 5% морщились и в лицо говорили: «Чего вы их на-

хваливаете! Они же аферисты! А их фонд – настоящая мясорубка для стариков! Вот попомните мои слова: рано или поздно всё вскроется».

Однако оставшиеся 95% попали под обаяние благотворителей. Правда из них лишь 1% представляли коммерческий интерес для пары. Остальные служили или громоотводом при возможных пересудах; или кошельком; или пропуском на светские мероприятия; или юридическим или силовым прикрытием.

Над «прикрытием» пара работала отдельно. Как-то по случаю, один из пожилых генералов, курировавший культурную составляющую ко Дню милиции, позвонил знакомому народному артисту. Слово-за-словом, и генералу порекомендовали обратиться в фонд, которым заведовали Кира и Эдуард. Мол в фонде могут порекомендовать исполнителей старой школы. А попутно – и доброе дело сделать, оплатив выступления пожилых деятелей культуры.

Генерал ухватился за эту идею и вышел на переговоры с руководителями фонда. Те сразу прочухали: какие барыши им сулит сам факт знакомства с высшим руководством МВД, и всю организационную часть взяли на себя.

Надо отметить: с работой они справились на «5+». И генерал, и его коллеги остались довольны концертом. После окончания мероприятия организовали банкет, где Кира и Эдик сидели рядом с генералом. Это заметили все. На радостях, супруги сфотографировались со всеми людьми в пого-

нах (благо все видели, что пара находилась в компании уважаемого генерала, значит: люди проверенные и «свои»). В дальнейшем, пара договорилась организовывать и остальные мероприятия силового ведомства. Опять же «слово-за-слово», и ушла Кирочка обмолвилась, что она, мол, неплохой юрист. И горит желанием преподавать в Университете или Академии МВД.

Генерал поморщился, но пообещал протекцию. Если не ей, то её супругу – артисту. Мол, есть вакансия на место преподавателя по теме: «Культура устной и письменной речи руководителя».

Радости Киры не было предела! Ещё бы! Её муженёк, объективно бездарный и неудачливый артистишка, станет преподавателем в ВУЗе МВД. Это ж сколько можно дел наворотить, прикрывшись корочкой определённого цвета и связями!

Ведь для многих их подопечных, которые ещё жили в парадигме ценностей Советского Союза, сам факт преподавания в учебном заведении МВД означал пройденную проверку на благонадёжность и порядочность. А это открывало двери совершенно других квартир. Появился шанс прибрать к рукам действительно стоящие объекты недвижимости, а не корячится за крохотные квартирки.

После трудоустройства Эдуарда на непыльную работу в ВУЗе, пара расправила крылья. Они всем своим знакомым и подопечным презентовали эту должность, будто Эдику при-

своили звание генерал-лейтенанта. По радостным оханьям и аханьям, супруги почувствовала: они попали в точку. Потому решили и дальше продвигать себя в званиях.

Они обошли все более-менее значимые организации, которые могли им присвоить титулы, звания или награды. Но вот незадача: все эти статусы «магистров не пойми чего» никак не отзывались в сердцах их подопечных. Вот если бы, к примеру, Эдуард действительно получил бы звание «заслуженного» или «народного», или к Кире стали бы обращаться по имени и отчеству, когда она, в статусе судьи, выносила бы решения, то это повысило бы их статус в глазах целевой аудитории. Но что поделать: реальных заслуг или талантов у пары не имелось. Равно как и перспектив прыгнуть выше статуса «руководителей благотворительного фонда».

Но не бывает худа без добра. Особенно, когда поставлена конкретная цель – обосновать собственность на чужую недвижимость. Известность и дополнительные баллы им принёс «ящик». С конца 1990х годов пара прочно осела в медийном болоте, именуемым «Телевидением». Так уж получилось, что сетка вещания предполагала серию передач об известных деятелях культуры СССР. Подобные программы набирали популярность и гарантировали высокий рейтинг и приток рекламодателей. А кто, как не фонд помощи таким деятелям мог рассказать и, при необходимости, защитить старых работников искусства?

Эдуард, как представитель актёрского цеха, распинался

в подробностях о судьбе того или иного артиста. Через каких-то пару программ, он стал чем-то вроде энциклопедии сплетен. Его стали приглашать буквально в каждую передачу, чтобы он выдал информацию с перчинкой.

С его лёгкой руки часть бесплодных артистов обзавелись наследниками. Другие артисты – любовниками или любовницами. Эдуард насколько хорошо вживался в роль «бабки у подъезда», что не поверить ему в момент его рассказа было просто невозможно!

Хоть близкие друзья и родственники артистов с пеной у рта утверждали: басни Эдуарда – не более, чем сплетни. Но их честный голос услышан не был. А в суд за клевету подавать было бесполезно: ведь информацию перепроверить технически невозможно. Да и как проверишь: спали ли дядя Слава с тётёй Машей в 1970 году на гастролях в Анапе? И получился ли от этого союза ребёночек? Передач об установлении отцовства или материнства тогда ещё не было, как и не был раскрыт метод определения родителя по ДНК. Этим пробелом и воспользовался Эдик, набирая себе очки в медиапространстве.

Потихоньку, он и свою супругу-хлопотунью стал раскручивать не только как одного из руководителей благотворительного фонда и юриста, но и как свидетеля амурных походов звёзд. Мол: тот или иной известный человек обращался к ней за юридической консультацией по вопросам усыновлений, разводов, заключения браков. Таким образом

Кира, как юрист, подтверждает то, что говорит её супруг. С их слов выходило: они знали и дружили почти со всеми ведущими деятелями культуры СССР чуть ли не с рождения.

Правда, Эдуард и Кира старались участвовать лишь в тех сериях, где они могли выдать или плохо проверяемую информацию, или то, за что им никто и никогда не предъявит. Они одними из первых стали ставить телевизионщикам условия, словно голливудские звезды. Например, если в передаче участвуют определённые люди, то пара вовсе может не дать интервью. Также, они за участие в программах, стали требовать отдельный гонорар. Естественно: всё обставлялось так, будто получаемые денежки идут на помощь немощным пенсионерам.

В итоге, за пару лет мелькания «в телеке» и перемывая косточки тех, кто не мог ответить, лица Эдика и Киры примелькались. Они получили всесоюзную славу. Это также работало в плюс мошенникам: старшее поколение, которое привыкло к тезису: «Если показывают по телевизору – значит, информация правдива и человеку можно верить», доверяло паре безоговорочно.

Да что там старики: и руководство МВД, и депутаты, и чиновники, и бизнесмены, и деятели культуры и искусства, и редактора СМИ, и простые обыватели даже подумать не могли, что цель фонда – не только помощь «культурным пенсионерам», но и личная нажива.

И здесь дело не только в «отписанным» по доверенностям

квартирам двух пожилых стариков – Изотова и Кричевского. Дело не только в том, как отошла им квартира Ефима Сорбик и как они оставили с носом его племянницу с помощью Каратова. Дело в самой схеме.

Пара привозила нотариуса к полуживым пенсионерам, которые и двух слов связать не могли. Этот нотариус за оговоренный процент оформлял сделки. Нотариус закрывал глаза на то, что старики были, по факту, обколоты лекарствами. Пенсионеры находились в таком пограничном состоянии, что свою волю выразить не могли. Да и смысл самого слово «воля» плохо понимали. Плюс криминального нотариуса – он никогда не задаст неудобных вопросов. Он не спросит: под какими препаратами находились старики в момент заключения сделки. Почему именно так нужно оформлять документы. Единственный его вопрос состоял из нескольких слов: «Какой мой процент от сделки»?

Стоит отметить, что над первыми реальными жертвами фонда – Кричевским и Изотовым, паре пришлось изрядно попотеть. Ещё бы! Это были первые «мокрые» дела адвокатши и артиста. Кира и Эдик боялись братья за других пенсионеров, пока не отработают этих двух несчастных. Им важно было не только поставить всё на поток, но и гарантировать, что никто ни о чём не догадается. Потому супруги действовали осторожно и затратили на это больше времени, чем планировалось. Вместо одного года, стариков «ушли» за три.

Когда недвижимостью двух стариков-пенсионеров пара ре-

шила прибраться к рукам, начиналось всё оптимистично. У Кричевского – давние проблемы с сердцем; Изотову поставлен диагноз «рак». Вопрос: как всё обстряпать, чтобы, с одной стороны, не попасть под подозрение правоохранительных органов, а с другой стороны – гарантировать получение квартир как можно скорее?

На семейном совете приняли решение: ищем врача, который может «залечивать» стариков до смерти. Тут Кире сновагодились её профессиональные связи. Врач быстро нашёлся.

Благодаря сотрудничеству с эскулапом, Кира и Эдик устраивали старикам такое «лечение», которое или обостряло хронические заболевания или снижало защитные силы организма. В этом заключалось главное ноу-хау фонда. Формально, терапия проводилась согласно выписанным рецептам, но результатом являлось медленное и верное ухудшение здоровья.

Так произошло с Изотовым. Ему подбирались такие препараты, которые в его конкретном случае действовали слабо. Объяснялась покупка и приём этих препаратов просто: нет денег на дорогие аналоги. Что врач прописал – то больной и принимал. Упрекнуть фонд в скупости никто не мог: когда под опекой полсотни стариков, приходится экономить.

С Кричевским ситуация была несколько иной. Глядя на обессиленного пенсионера, лечащие врачи в больницах или поликлиниках разводили руками: ну что вы хотите! 90 лет

не 20! И в доказательства своих слов, врачи тыкали пальцем в кардиограмму или УЗИ. Мол видите: как ухудшаются показатели и единственный способ продлить жизнь старику – поддерживающая терапия. После этих слов, Кира и Эдик смахивали слезу и, держа за руку обессилевшего Кричевского, говорили: «Мы обязательно со всем справимся!»

Знал бы Кричевский и врачи, какую комедию перед ними ломала липкая пара! Ведь эскулап, «залечивавший» Кричевского, специально подбирал такой состав препаратов, который гарантировал хоть и нескорую, зато незаметную вскрытию, кончину.

В принципе, мало у кого могли закрасться подозрения. Ведь с этими двумя стариками из посторонних контактировали только сиделки и несколько профильных врачей.

Сиделки честно делали свою работу. Платили им очень хорошо. Особенно, если сравнить с уровнем оплаты по городу. Потому сиделки дорожили работой и, как и бухгалтер фонда, не задавали лишних вопросов. Да и что они могли спросить? Почему Эдуард или Кира сами иногда сидели сутками с пенсионерами? Такие дежурства – не редкость. Ну, а почему после таких дежурств старики обычно хорошо и долго спали, так это видимо по причине особой заботы руководства.

Что касается врачей в больницах и поликлиниках, то они, работая на потоке, мало уделяли времени и сил 90-летним старикам. Посмотрят результаты исследований, выпишут ле-

карства согласно протоколу лечения, и на этом свой врачебный долг считали выполненным.

Никто не догадывался, что в своей синей книжице Кира записывала особую схему лечения для Изотова и Кричевского. Им то и дело подбиралась особая «терапия», где были, в том числе, снотворные, седативные средства и препараты, понижающие давление.

Несмотря на такой «уход», старики оказались весьма живучими. Это выбешивало Киру и Эдика. Но, по словам эскулапа: дать явную отраву слишком опасно. Вскрытие может показать истинную причину смерти. А это – прямой путь на скамью подсудимых. У руководства фонда был и мотив (дарственные на квартиры), и возможность убийства. Потому Эдик и Кира терпеливо ждали, когда уже старушка с козой заглянет в гости к их старикам.

По прошествии трёх лет это случилось. Положа руку на сердце, адвокатша и актёришка так и не поняли: был ли это результат «консультаций» их врача или старики просто отошли в мир иной по естественным причинам. Уж слишком долго пришлось ждать цели! Тем не менее, необходимое вскрытие не показало криминал. Однако липкая пара решила подстраховаться и кремировать бывших собственников квартир. Мало ли что? Вдруг, в будущем, появятся такие исследования, которые выявят при эксгумации новаторскую схему лечения. Как только прах Изотова и Кричевского был выкинут на ближайшей помойке, над многими стари-

ками уже завис Дамоклов меч и их нить судьбы могла оборвать очередная хотелка руководителей благотворительного фонда.

В связи с этим возникал резонный вопрос: ну а как же сами старики? Ведь они в прошлом – люди с положением, с образованием, с жизненным опытом. Ну не баранов же на бойню тащат, честное слово?!

И вот тут-то и скрыт феномен подобных благотворительных организаций. Здесь старики – не субъект, а объект. Когда вокруг фонда складывается общественное мнение, как об эталонной и бескорыстной организации; когда руководители фонда, по всем стандартам: порядочные и публичные люди, то старики всю эту организацию воспринимают, как нечто благое и правильное. Старикам представляется, что свой путь одиночества, беславия и безнадёги они прошли не зря, раз он привёл их в фонд. Очутившись под опекой, им кажется: вот он – рай! Вот она – земля обетованная! Ведь лучше в современной России ничего нет. А раз так – можно не насиловать свои серые клеточки ненужными подозрениями и, хотя бы под конец жизни, расслабиться и получать удовольствие.

Попадая под опеку, старики действительно теряли бдительность. словно переступая порог фонда, они становились не субъектами, наделёнными личностными характеристиками, а объектами, на которых временно зарегистрирована недвижимость.

Кира и Эдуард чувствовали такую трансформацию сознания своих подопечных, и на трёх квартирах решили не оставаться. Они бы и дальше прибирали к рукам по малогабаритной квартирке неизлечимо больных и одиноких пенсионеров; они продолжали бы работать в фонде, чтобы прикрыть право на ещё два или три чужих актива; их «эскулап – убийца» и дальше бы годами заменял эффективные препараты на менее действующие аналоги, если бы не один случай.

Сыновья Вахтанга

На одном ток-шоу шла передача по дележу наследства известного актёра. Вся Москва знала его по имени: Вахтанг. Фраза: «Сегодня у Вахтанга» – была своего рода паролем. Причём время никогда не указывалось: двери гостеприимного дома всегда были открыты. Открыты в буквальном смысле! Столичная богема последние лет 50 тусовалась, ссорилась, мирилась, женилась, разводилась в стенах его огромной квартиры.

И вот, как это часто бывает с гостеприимным, но беспечным хозяином: Вахтанга сразил сердечный приступ. Откачать его не успели. От многочисленных жён и любовниц осталось всего два сына. Первый: сторчавшийся нарик, выглядящий в свои 40 лет на болезненные 60. Второй – подросток лет 14 с диагнозом идиотии или глубокой степени умственной отсталости.

На передаче выясняется: Вахтанг всё своё имущество оставил младшему сыну. Точнее: наследственная масса со-

стояла из квартирки... около 150 «квадратов» и потолками под 6 метров в самом сердце Москвы. Какие у Вахтанга на то имелись мотивы – с юридической точки зрения уже не важно. Есть выражение последней воли – значит, законом гарантировано её исполнение. Однако на «ТРЕНДящих ток-шоу» правовые коллизии мало кому интересны. Все зачем-то искали земные мотивы и попутно ковырялись в грязных гульфиках.

Гости в студии разделились: одни встали на сторону инвалида. Мол: отец-кукушонок видел младшего сына от силы раз десять. Пусть хоть материальная компенсация в виде недвижимости достанется парню и свои последние годы он проведёт в относительной сытости и покое. Однако эта часть гостей логически не развивала далее свою мысль: кто непосредственно будет ухаживать за инвалидом и как оградить его от чёрных риелторов. Вместо этого, они тархтели о каких-то высших ценностях и глобальной справедливости, которая должна разом решить все возможные проблемы.

Другая часть гостей встала на сторону старшего сына – наркомана. Основной аргумент: карма и бумеранг. Мол нужно дать шанс исправиться самому и заодно помочь больному младшему брату; нужен уход за инвалидом и старший брат, обеспечивая быт, отдаст свой братский долг. Но и у этой части гостей хромала логика: как старший брат, будучи сам тяжелобольным человеком, будет полноценно ухаживать за инвалидом, когда сам нуждается в опеке и как обоим братьям

уберечься от ушлых риелторов.

Лишь в одном сошлись обе стороны: все искали волшебную пилюлю и словами старались решить проблему, которая могла разрешиться только продуманными действиями. Но... кого на таких ток-шоу интересует разумный и справедливый результат, уравнивающий все интересы и гарантирующий всем участникам приемлемый минимум? Объективно проблему оценивали 1-2 человека в студии. Но их разумные, неэмоциональные высказывания никто не хотел даже дослушать.

В самый разгар обсуждения «за всё хорошее против всего плохого», в студию вошли Кира и Эдик. Вроде как по сценарию они должны подтвердить родство двух братьев и, рассказав пару сплетен об их отце, снизить накал страстей. И только Эдик открыл рот, как одна из именитых актрис высказала безумную идею:

– Ну вот же! Вот выход! – она стала тыкать пальцами в ошарашенного Эдуарда. – Вот представители фонда помощи актёрам. Очень уважаемые и известные люди! Вахтанг же был известным человеком, артистом. Почему бы фонду в виде исключения не расширить свои полномочия и не взять под опеку его младшего сына – инвалида? Ну и старшего досматривать по мере сил.

Эдик и Кира, от такой «инициативы», чуть в осадок не выпали. Ещё бы! Им предлагалось, по сути, заняться непрофильной деятельностью: реабилитацией наркоманов и ухо-

дом за инвалидом детства. Даже если юридически это можно было бы как-то обстряпать, то смысла такая благотворительность не имела.

Тут-то до липкой пары наконец дошло: их личная известность и безграничное доверие людей к ним, обернулись против них же самих! Обыватели всё это время в них видели святых, которые рождены лишь для того, чтобы свою жизнь класть на алтарь решения чужих проблем. Если Эдуард и Кира сейчас дадут слабину, то всех сирых и убогих их фонд будет просто обязан принять под свою опеку, а их несогласие станет восприниматься, словно они отказали в экстренной медицинской помощи. Но Кира и Эдуард – не врачи! Они всего лишь руководители благотворительного фонда. И уж явно нимб над ними не сияет: до святых им далеко.

Кира сразу смекнула, куда дует ветер и очень осторожно начала готовить шаги к отступлению:

– Нам так приятно слышать хорошие слова! Мы тронуты тем, что вы хотите доверить нам судьбу детей гениального Вахтанга. Но мы обязаны отвечать перед теми, кто...

Внезапно, как часто такое случается на подобных передачах, Киру прервали. Слово взял один известный шоумен:

– Мы все вас поддержим! Ну возьмите хотя бы опеку над младшим сыном. Вот кто, как не вы, сможет ему обеспечить достойный уход. Правильно я говорю, а?

Тут шоумен, словно на новогоднем корпоративе, встал с места и начал аплодировать. От него эту «аплодисментную

«бациллу» подхватили гости в студии. Не пойми зачем, гости повскакивали с мест, и словно на концерте, устроили овацию. Ранее две противоборствующие группы объединились и стали нахваливать этот «простой» выход из сложной ситуации.

Можно спорить хоть на миллион: никто из неистово хлопающих в ладошки смысл слова «опека» не понимал, равно как и не понимал возможности и ограничения благотворительного фонда. Зато все намертво вцепились в идею переложить проблему на чужие плечи.

Кира и Эдик сидели, как пыльным мешком стукнутые и не знали: как реагировать. Тут ведущий подлил масла в огонь:

– Вот видите: как вас поддерживают! Это значит: вам доверяют и просят сделать исключение хотя бы для младшего сына уважаемого артиста!

Эдик пытался было включить свой поставленный голос на полную мощность. Но куда там! Гости настолько завелись, что даже крик профессионального артиста потонул в захватившей зал, истерии.

Тем временем, передача подошла к концу. Это оказалась одна из немногих передач, когда гости разошлись не сразу после заключительных слов ведущего, а долго оставались в зале. Все зачем-то хотели уйти с уверенностью, что фонд возьмёт под опеку младшего сына. Об интересах его старшего брата уже никто и не вспоминал.

Кира и Эдик планировали сделать следующее: сейчас они

берут таймаут «на подумать». Там, глядишь, все забудут предмет разговора и бремя опеки инвалида переключится на другие плечи. Но не тут-то было! Та самая актриса, которая первой высказала бредовую мысль, зачем-то стала на мобильном набирать номер Каратова:

– Серёж, привет! – по-свойски начала актриса. – Ты же один из учредителей благотворительного фонда? Рядом со мной Кира и Эдуард. Ну... ты понял, о ком речь?

Хоть реплик Каратова было не слышно, однако по тому, как и что говорила актриса, можно было догадаться об ответах другой стороны. Видимо Сергей Сергеевич ответил положительно, и актриса продолжила говорить с небольшими паузами, которые, по всей видимости, заполнялись лаконичными ответами Каратова:

– Про Вахтанга слышал?.. Нет... Не про деньги. Перевод от тебя дошёл, спасибо!.. Я вообще не про это... У него сыновья, знаешь? Они – голые сироты. Ни матерей, ни отца, ни нормальных близких родственников. Какие-то звонили: троюродные племянники. Но сам понимаешь: всё не то! Они и не общались толком при жизни. Как они за младшим инвалидом станут ухаживать – большой вопрос. Мы сейчас все на телепередаче по этой теме. Можешь своему фонду поручить, чтобы младшего твой фонд опекал? Кира и Эдик не против!

После фраз: «Можешь своему фонду поручить» и «Кира и Эдик не против», у Эдуарда выступил холодный пот, а Кира

схватила за сердце. Ведь опять, как и в случае с прима-балериной, их фонд будет разгребать чужие проблемы по протекции друзей Каратова. То, что всё делается прилюдно, не спросив даже их мнения, оказалось обидным вдвойне. По сути, к ним, как к вроде как к уже признанным и всеми уважаемым, людям, относились словно к прислуге. Им снова указали их место и, если бы они возразили, лишились бы не только уважения, но и работы в фонде. Тем временем актриса продолжала давить на Сергея Сергеевича:

– Ты не мучь меня этими юридическими подробностями! – словно капризная девчонка затараторила актриса. – Ну поручи своим юристам всё оформить. Я этим должна заниматься?.. Ну я всё понимаю... Сложно, да... Но нужно это продать! Там же старший брат – конченный наркоман!

У Эдуарда и Киры забрезжила робкая надежда. Видимо: Каратов, как человек разумный и занятой, сам не хотел ввязывать фонд в чужие проблемы. Ведь юристов и прочую волокиту должен был взять на себя именно он. Лечить чужой геморрой – не его специальность.

По кривой улыбке и скомканному прощанию актрисы с Сергеем Сергеевичем, все присутствующие при разговоре, поняли: действительно, не всё так просто! Блицкриг по решению сложной проблемы руками фонда явно терпел крах. Актриса обратилась к Кире:

– Серёжа просил вас с ним связаться. Действительно, юридически там не всё так гладко. Ну, я хотя бы сделала всё, что

могла!

После этих слов, гости, с чувством совершённого подвига, ещё пообщались на сторонние темы и разошлись. Эдик и Кира, воодушевлённые тем, как всё разрешилось, пошли домой. Только они открыли дверь своей (а ранее Фиминой) квартиры, как тут же раздался звонок телефона. Трубку взял Эдуард. Но он, не успев произнести даже «алло», буквально сполз на пол вместе с телефонной трубкой.

– Какого чёрта вы шлёетесь по этим говённым программам?! – вопил Каратов. Вся сцена напоминала отрывок из греческой трагедии, где Бог своим громоподобным голосом распекает грешников. Вот и Сергей Сергеевич кричал так, что даже без громкой связи Кира могла всё слышать.

– Здравств... – Эдик пытался было вклинить приветствие. Но после этого Каратов стал орать ещё сильнее:

– Скот! Ты меня слушай и заткни своё мнение в жопу, понятно?! Я – всего лишь учредитель вашего вонючего фонда. Какого хрена мне звонят и просят, чтобы я дебила пристравивал? У меня что: нет других забот? Теперь мне всё бросить и заняться сыном Вахтанга?

– Мы даже позвонить вам не успели. Это вообще не наша инициатива. Это всё актриса эта... – быстренько, словно отбивая каждым слогом ритм, заговорила Кира.

– Вы сами там не перегрелись часом, а? Я вам чего толкую: почему мне, лучшему режиссёру России, народному СССР, звонят с каких-то говённых ток-шоу и спрашивают: когда

и как я оформлю инвалида? Я вам кто? Сиделка? Нянька? Медработник? Почему моё имя полощут в программах для домохозяек?

– Сергей Сергее... – Эдик снова пытался объяснить, но Каратов его прервал:

– Значит так! Я выхожу из фонда. Юристы мои с вами созвонятся. Всё! Хватит с меня чужих проблем. Сами разбирайтесь и возитесь с инвалидами и пенсионерами. На этом – точка! Хоть его сами усыновляйте. Хоть всех пенсионеров усыновите! Мне плевать!

В трубке раздались гудки. Немного придя в себя, Кира и Эдик, словно под гипнозом, побрели на кухню. Жена поставила чайник. Муж стал расставлять чашки.

– Что это было? – первым, словно выходя из оцепенения, заговорил Эдик.

– Не знаю... – аккуратно, будто бы боясь спугнуть хрупкую тишину, произнесла Кира.

– За что он так с нами?

– Как с крепостными, ты хотел сказать?

– Получается так... – согласился Эдик. – Я думаю, докормили его эти просьбы. Вот он на нас злость и вымещает. Думаешь, отойдёт?

– Не знаю... – тут Киру начало слегка потряхивать. – Его достало всё, сто процентов. Денег от фонда он не получает. А просителей, видимо, до фига. Чтобы не решать проблемы, он точно выйдет из фонда. Но фонд и без него функционирует

нормально. Так что...

– Думаешь: не всё так безнадежно?

– Многое будет зависеть, как выйдет Каратов из нашей организации. Да, есть вероятность: фонд вообще развалится. Ему достаточно только слово шепнуть – и нам никто руки не подаст. Сейчас ясно одно: с сыном Вахтанга придётся возиться. Скорее всего – усыновление. Есть и плюс. Квартира нам отходит. А это 150 метров в центре. Нет худа без добра. Люди с его диагнозом недолго живут. Определим в спецучреждение или сиделку наймём. Никто к Каратову не побежит жаловаться. Правда, со старшим сыном-наркоманом могут быть проблемы. Ведь он тоже наследник, и...

Вдруг Киру затрясло всё сильнее. Она сильно прижала левую руку к груди. Ноги её подкосились. Эдуард еле успел подставить свою ладонь, чтобы супруга головой не ударилась об угол стола и, таким образом, смягчил удар от падения.

– Что с тобой? – завопил он, колотя её бледнеющие щеки.

Кира не реагировала. Эдик кинулся в комнату и вызвал скорую. Через 20 минут супругу погрузили в неотложку и увезли в реанимацию. Её накрыл первый инфаркт...

Да, вот такой вот парадокс! У преступников тоже есть сердце и у них также случаются инфаркты. Правда, это не говорит об их тонкой душевной организации. Напротив: их кожа – броня, а нервы, словно натянутые корабельные канаты. Причина Кирочкиных переживаний, повлекшим инфаркт, заключалась в следующем. Выход Каратова из фон-

да мог обернуться крахом всего! Особенно, если он своим друзьям чиновникам и банкирам наговорит лишнего. Как бы Кира с Эдиком не надували щёки, репутация фонда зависела от настоящей мировой знаменитости и народном артисте СССР.

Находясь на больничной койке, Кира гадала: как именно именитый режиссёр покинет состав учредителей? Мирно-тихо, или громко и со скандалом?! Сергей Сергеевич всё сделал, как обычно: с выгодой для себя и юридически грамотно.

Юристы Каратова оформили его «тихий вариант прощения» с благотворительной деятельностью. Для именитого режиссёра же вся эта богадельня перестала существовать. Сергей Сергеевич был рад, что отвязался навсегда от ненужной общественной нагрузки. Теперь, в случае обращений к нему с просьбой об опеке над тем или иным деятелем культуры, он улыбался своей фирменной улыбкой «Чеширского кота», говорил, что уже вышел из учредителей и диктовал телефон фонда. Просители понимали: теперь проблемы не решить чужими руками. Потому Кире и Эдику ни один звонок от друзей или родственников Каратова не последовал.

Сам же Сергей Сергеевич не выходил на связь ни с кем из фонда, но и палки в колёса никому не ставил. Более того: он через своих юристов передал Эдуарду и Кире всю контактную информацию: какому чиновнику или бизнесмену звонить с той или иной просьбой. Таким образом он как-бы на-

мекнул: никому и ничего плохого о фонде и его руководителях он не сказал. Значит: всё остаётся по-прежнему. В итоге единственное, что потерял фонд – фамилия «Каратов» в списке учредителей.

Однако почти для всех стариков, словосочетание «Каратов» и «благотворительный фонд помощи деятелям искусства» так и остались в прочной связке. Да и кто следит за рокировкой учредителей? Нет же журнала: «Вестник благотворителей». Не существует передач, где периодически фонд отчитывается перед зрителями или жертвователями.

Когда речь заходила об учредителях, супруги, как мантру, повторяли заученную фразу: «Каратов с тяжких девяностых годов стал учредителем нашей благотворительной организации». Такая формулировка подразумевает простой закрытый вопрос: «Но означает ли это, что Каратов до сих пор в фонде?» Однако данного вопроса никто не задавал. Равно как и других уточняющих вопросов, которые могли пролить свет на истинное положение дел в фонде. Кире и Эдуарду везло: им не попался ни один зубастый и языкастый журналист или просто равнодушный и умный обыватель. Такие бы с наскока вывели бы липкую пару на чистую воду!

Как ни парадоксально, но именно с инфаркта Киры и выходе Каратова из фонда, в жизни супругов произошли перемены к лучшему. Во-первых: инфаркт оказался не фатальным. Единственным последствием можно назвать проблемы с речью (когда Кира нервничала, она что-то невнятное бор-

мотала под нос). Теперь их пара имела в запасе козырь в виде медицинского диагноза: «инфаркт». Все судачили: попечители так переживают за подопечных и так ответственно относятся к делу, что сердечные болезни зарабатывают. Таким сердобольным людям ну как не доверять?

Во-вторых: пока супруга несколько недель проходила реабилитацию, Эдуард делал всё, как она наказала. Всем знакомым он со слезами на глазах преподносил решение об усыновлении несовершеннолетнего сына Вахтанга, чуть ли ни как о последнем желании любимой жены. После душеспиритальных рассказов в стиле произведений Ильфа и Петрова: «Токмо во исполнение воли больной жены...» многие ему шли на встречу! Тут пригодились связи, которые наработали мошенники за последние годы. Необходимые документы собирались без проволочек, и липкая пара усыновила чужого ребёнка.

Наконец, в-третьих: вся последующая шумиха вокруг наследников Вахтанга, тоже сыграла на руку мошенникам. Эдик быстро смекнул: как использовать медийную машину и тупых редакторов ток-шоу. Он с Кирой одними из первых предложил телевизионщикам мини-сериал по теме «наследство». Чтобы отвлечь общественность от факта получения прав на квартиру Вахтанга и робкие попытки старшего сына бороться на своего брата и недвижимость отца, они сами придумывали медийные поводы и, выдавая порцию компромата, гарантировали себе несколько ток-шоу и лояльную

аудиторию.

Так, по прошествии недели после усыновления, Кира и Эдуард сами пригласили представителей одного из центральных СМИ в квартиру Вахтанга. Там засняли умильные кадры, где их «сын» сидел в чистенький рубашечке, застёгнутой на все пуговицы, а сиделка поила его чаем с ложечки. Всё выглядело так, будто за инвалидом осуществляется уход 24/7 и он постоянно находится в квартире отца. Младший сын только и делает, что меняет рубашечки да сорт чая. Естественно: организаторы фонда выглядели как добрые самари-тяне, которые только и преследуют цель, чтобы чужой сын жил долго и комфортно.

Но как только телевизионщики погрузили свои камеры в авто и дали по газам, началась иная, честная жизнь. Для инвалида вызвали спецтранспорт и увезли в закрытое медицинское учреждение. С штатной сиделкой фонда хорошо расплатились. Ведь её наняли на несколько часов для показушной съёмки и дали неплохо сверху, чтобы та помалкивала. Да и какая «прикормленная» сиделка откажется заработать лишние 10 тысяч рублей, если скажет, что ухаживала за инвалидом какое-то время?

Боялись ли «родители» разоблачения? Нет! Они просто готовились к этому и могли отбить любой аргумент. Например, можно всё представить так: младшему сыну Вахтанга периодически требовалась госпитализация. Этот факт ни один разумный человек не сможет оспаривать при таком тя-

жёллом диагнозе. Потому его нахождение в специализированном стационаре легко объяснимо. Ну а то, что он может находиться там хоть 364 дня в году и его привозят в квартиру лишь на один день для съёмки шоу, доказать сложно. Стационары и больницы часто менялись. Отследить перемещение – нереально. Кстати, можно всегда заявить, мол, делается это лишь для безопасности инвалида. Ведь так его местонахождение и круг общения сложнее отследить всяким мошенникам.

В итоге, первая на ТВ передача прошла без сучка и задоринки. Но Кира и Эдуард работали на опережение. Под конец шоу они выдали «сенсацию». Мол: старший сын попал под влияние чёрных риелторов и срочно нужно спасать наркомана. С их слов выходило, что цель риелторов: выгнать младшего сына из квартиры, а старшего оставить с носом. И весь тот счастливый мирок, который создавал фонд для приёмного сына, может рухнуть в любой момент.

На следующую передачу пришёл старший сын с адвокатом. Понятное дело – большинство гостей в студии знали о деятельности фонда и весьма лояльно относились к его руководству. Как ни пытались старший сын и его адвокат вразумить уже «заряженных на добро» гостей в студии, как не старались доказать, мол, брата возят по больницам и в квартире он не проживает, зал будто их не слышал. Словно под гипнозом, гости выкрикивали фразы, вроде:

– Как вы можете Эдуарда заподозрить в корысти? Он же

преподаёт в МВД! Даже если квартира перейдёт в будущем ему, там сейчас живёт младший сын Вахтанга. А Эдуард, как директор фонда, не позволит мошенникам и черным риелторам заполучить квартиру и выгнать несчастного инвалида!

– Вот вы говорите: больницы меняются. Я бы тоже меняла больницы, когда такая мафия за квартирой охотится!

– Вы, молодой человек, столько добра сделайте вначале для пожилых пенсионеров, сколько сделали Кирочка и Эдуард, а потом говорите!

– Не работает! Сам – наркоман... Откуда у вас вообще деньги на адвоката? Включите мозг! Этой банде от вас только квартира и нужна!

– У Кирочки случился инфаркт от всего пережитого кошмара. Вы хотите её добить, да?!

Во многом благодаря таким репликам, передача получилась шумной и безрезультативной. Старший брат ещё больше настроил общественность против себя хотя бы потому, что ему и его адвокату просто не давали возможности закончить свою мысль. А фонд заработал лишние баллы как честная благотворительная организация.

Через несколько месяцев выпустили ещё передачи. Одну по итогам проигрыша в суде старшего брата. Другую – про гибель старшего брата от передозировки. Третью посвятили закономерной кончине младшего сына Вахтанга по «естественным» причинам.

Но ни на одной передаче, ни в одной газетной статейке,

не было ни одного вопроса про то, что стало потом с квартирой Вахтанга и про реальное местонахождение сына-инвалида всё это время. Отсутствовал даже намёк на такую постановку вопроса! Что уж говорить о других вопросах... Например: почему бы благотворительному фонду не восстановить справедливость и не оформить завещание на старшего сына? Почему при таком бережном уходе, так быстро ушёл из жизни усыновленный инвалид?

И самое главное – почему именно усыновление? Если Киричка и Эдик, такие добрые и бескорыстные, так оформите опеку! Ведь при опеке, опекун не имеет право наследования. Тем более, если опекаемый – неменяемый инвалид с детства.

Кира это понимала и сделала всё возможное для оформления именно усыновления. Только усыновление гарантировало, что квартира Вахтанга отходила новым родителям, то есть Эдуарду и Киричке. Если бы старший сын Вахтанга обратился в суд, Кира, благодаря наработанным связям, от судов со старшим братом-наркоманом отбилась. Наследников у старшего сына не было и не будет. Да и он сам не жилец уже был! Через свои каналы, благотворители «пробили» все болезни старшего сына. С таким букетом вообще чудо, что тот стоял на ногах.

В итоге: по закону, к Кире и Эдуарду не придраться. Ну а то, что брат ушёл за братом, так это не иначе, как роком не назовёшь! К тому же липкая пара так искренне рыдала над

могилой усыновлённого мальчика, что ни у кого из собравшихся даже тени подозрений не возникло, что его кончина была не случайна.

Разумеется, Кира и Эдуард лично не отдавали приказ об убийстве. По опыту «работы» со стариками Изотовым и Кричевским, они ясно поняли одно: природа справится сама. Главное не мешать болезни сделать своё дело и лишь немного корректировать нужный исход определёнными препаратами.

С младшим сыном Вахтанга им, как говорят преступники: «подфартило». Как только прошли все ток-шоу и суды, где несчастного парня нужно было показывать общественности в «товарном виде», его жизнь перестала представлять ценность для «родителей». Потому их домашний доктор предложил «корректировать» дозировку нейролептиков, чтобы сын как можно скорее увидел брата и отца на том свете. Кира уже было внесла в синюю книжицу план «лечения», как вдруг, сын Вахтанга где-то подхватил простуду. Пришлось лечить вначале этот недуг.

Лечили-лечили, но становилось только хуже. Это и немудрено! Липкая пара всё это время продолжала перемещать больного мальчика из одного лечебного заведения в другое. Результат: воспаление лёгких. Вскоре Кира и Эдик, со слезами на глазах, получали свидетельство о смерти. Не прошло и года после кончины инвалида – как в бывшей квартире Вахтанга открылся отель.

Конвейер из стариков

В «нулевые» года для фонда наступило поистине золотое время. Подопечных – около 60 стариков. У организации появился сайт, где регулярно выставлялись свежие фотографии счастливых пенсионеров. Если старик или старушка могут хоть как-то передвигаться или демонстрировать своё мастерство, организована соответствующая страница с творчеством деятеля культуры и искусства. Лепота, да и только! Из-за этого складывается впечатление, мол, фонд не только продлевает физическое существование, но и творческую жизнь. Один этот факт выгодно выделял фонд среди других подобных организаций.

В разделе «новости» часто мелькали лица известных политиков, чиновников, деятелей культуры, которые что-то дарили фонду, кого-то навещали, с кем-то пересекались на мероприятиях. Опять же: зачем? Эдуард и Кира из кожи вон лезли, чтобы у их детища появился некий флёр избранности и незапятнанности. Мол посмотрите, люди добрые: нас и депутаты с чиновниками знают, нас и бизнесмены с церковными служителями ценят! Значит: сам фонд надёжный и нам стоит доверять.

Фонд стал чем-то вроде машины по генерации доверия. Мошенники отлично освоили манипуляцию на всех уровнях: пускали пыль в глаза сильным мира сего, а старикам давали возможность напоследок поделиться частичкой мастерства и порадовать преданных поклонников.

В результате такой «работы» жертвования приходили со всей страны. Денежку переводили и нищие старики, и солидные предприятия. Ведь сам фонд, равно как и его руководители, стали мега-популярны. Здесь главную роль сыграло желание верить во что-то хорошее: люди хотят знать, что где-то рядом с ними по одной земле ходят «святые». И за эту свою веру они готовы содержать малознакомых личностей и организацию, которой эти «святые» управляют.

Фонд не попался ни на одной мошеннической схеме по выводу денег. Ведь он не для этого существовал! Цель фонда – не обналичить средства и не быть очередной прачечной, а приносить доход двум конкретным персонам: Кире и Эдуарду.

После шумихи с наследниками Вахтанга, пара буквально прописалась в телевизионных студиях. Ни одна передача о пожилых артистах не обходилась без их участия. За свой выход, пара заламывала пятизначный гонорар. Естественно, по безналу и под эгидой помощи пенсионерам. Им платили такие суммы. Ведь на благое дело как не дать?

Фонд можно сравнить со старинным домом в центре столицы. Снаружи он отреставрирован и производил впечатление крепкого и надёжного здания. Рядом – парковка для дорогих авто, из которых выходят благотворители и несут жертвования. В каждом окне – по улыбающемуся пенсионеру. По коридору бегают сиделки: в одной руке у них таблетки, а в другой – диплом о медицинском образовании. Их

цель: сделать жизнь каждого пожилого человека полноценной и счастливой. Но... если проверить коммуникации и перекрытия данного строения... В фонде всё сгнило и готово обвалиться в любую секунду!

Разложение системы всегда начинается с разложения руководства. Спусковым механизмом послужило то, что Кире и Эдику надоело строить из себя святош. Их до ужаса доставали визиты к старикам. Им надоели пенсионеры с их рассказами об ушедшей славе. Им обрыдло каждый день отправлять открыточки и телеграммки. Они не выносили сам факт говорильни по телефону по душам. Всё делалось с изнасилованной улыбкой. Всё – через надутую самомнением, губу.

Наивные старики не видели или не хотели замечать явных перемен в отношении к ним. По факту, Эдуард и Кира делали свою работу, словно отбывали тюремный срок. С 9 до 20 часов – время их добровольного заточения. Лишь после всех запланированных визитов и звонков, они оттаивали душой на тусовках. Эта, парадная жизнь и не давала им сорваться и наделать глупостей. Можно сказать смело: единственное, что ещё грело душу адвокатши и актёришки – светские мероприятия. Тусоваться оказалось их призванием. Будь они моложе, то не вылезали бы из ночных клубов. Но возраст и статус обязывал держать фасон.

«Держать фасон» – как раз про Киру и Эдуарда. Точнее фразы для них и не придумаешь. Пара всегда и везде была при полном параде. Им казалось недостаточным надеть

маску «святых благодетелей». Они боялись: вдруг кто-то увидит всю их фальшь? Потому нацепив на себя дорогие костюмы и блестящие аксессуары, пара надеялась отвлечь внимание от собственных уставших, равнодушных и озлобленных рож.

Одевались они хоть и дорого, но безвкусно и несуразно. Эдуард повадился носить везде белые костюмы. И на светских раутах, и в скромных жилищах стариков, он неизменно появлялся, будто на кастинг на роль аристократа: белоснежная сорочка, светлый пиджак и брюки. Домработница раз в неделю отдавала всё в химчистку. Ведь по мнению руководства фонда, на их одежде не должно быть ни единого пятнышка.

Кира предпочитала неброские наряды. Но без украшений общим весом менее 5 карат даже мусор не выносила. Смотрелось это особенно нелепо, когда она появлялась, обвешанная бриллиантами, в обшарпанных квартирах опекаемых пенсионеров.

Она помешалась на драгоценных камнях. Пара даже арендовала сейф в банке под коллекцию украшений. История этой коллекции примечательна и много говорит об их основателях. Равно как и объясняет причину резкого роста смертности в их фонде.

У Киры и Эдуарда имелось неизменное правило. После кончины стариков, пара проводила полную ревизию их имущества. Они не повторяли глупостей, как домработницы

прима-балерины Малининой. Потому перед тем, как утилизировать или продать любой документ или вещь, всё просматривалось и перебиралось вручную. А вдруг старичок или старушка прозрели и успели написать предсмертную записку или оставить нечто, что бросит тень на их фонд? Тогда это станет уликой! Если хоть что-то вызывало сомнение – всё сжигалось. В топку шли также документы, не представляющие материальной ценности. Устраивалось нечто вроде «аутодафе памяти»: к сожжению приговаривались фотографии, дневники, документы и прочие бумажные свидетельства жизни старика или старухи. В плане уничтожения памяти Эдику и Кире не нашлось бы равных! Они сжигали всё так, что соседи не чувствовали запаха дыма.

И вот, в один из вечеров, супруги перебирали вещи в квартире, только что перешедшей им по дарственной. Это была недвижимость некой актрисы Петровой. Актриса стала четвёртой по счёту жертвой фонда (после Кричевского, Изотова и младшего сына Вахтанга). Старушка-божий одуванчик отошла в мир иной благодаря специальному подбору препаратов, понижающих давление. Из-за этого она была в забвении последние полгода. Даже если бы и захотела поделиться воспоминаниями, чисто технически сделать она этого бы не смогла. Об этом уже скоро очень пожалеют руководители фонда, так как старушка, как выяснилось, оказалось не только собственницей двушки.

Так вот. Сидят Кира и Эдуард и перебирала выцветшие

фотокарточки. И вдруг... они наткнулись на три потёртых спичечных коробка. Сам факт нахождения коробков в мешке со старыми снимками и негативами, вызывал интерес. Каждый коробок весил столько, сколько весили бы спрятанные внутри него свинцовые грузики. Эдуард пытался открыть один из коробков, но так как тот оказался чем-то плотно набит, пришлось его вскрывать ножницами. Ковырнув один из коробков, пара остолбенела. Оказалось, коробок весь заполнен синими камнями. Кира сообразила подложить одну из больших фотографий, чтобы из вспоротого коробка не пропал ни один камушек.

Хоть на тот момент пара не особо разбиралась в драгоценных камнях, но даже при тусклом свете стало очевидно: перед ними настоящий клад! Подтверждало это ярко-синий цвет камней размером с небольшие виноградины и отличная огранка, раскрывающая небесный цвет минерала. Сами камни – не одинакового размера. Они были подобраны от крупных к более мелким.

– Откуда у этой нищей старухи столько камней? – разохался Эдик. – Ей даже анальгин не на что было купить. Жила в малюсенькой двушке. Ничего не понимаю...

– Да ты на фотографии посмотри! – мгновенно смекнула Кира. – Она вроде как из дворянской семьи. Видимо, всё отсюда. Ну ка, давай фотографии внимательно смотреть.

Пара тут же стала вглядываться в пожелтевшие карточки и вчитываться в надписи к фото. На оборотах фотографий, об-

вешанные «ятями», были выведены каллиграфическим почерком имена и фамилии. Одно фото в массивной рамке тут же привлекло внимание благотворителей. На нём – женщина в роскошном наряде начала XX века. Но сама рамка походила на продолговатую коробочку толщиной около двух сантиметров. Да и по весу рамка-коробочка, словно сделана из чугуна.

Эдик чуть ковырнул краешек, и коробочка приоткрылась. А в ней – вторая часть клада: основа старинного ожерелья, браслета, серёжек и броши. Отдельно лежал разобранный перстень: он состоял из полукруга, который раньше надевался на дамский пальчик и основы, куда крепились камни. Таким же образом хранились и составляющие диадемы: немного смятый обруч (видимо по-другому он не помещался в узкий сейф) и все элементы, которые крепились к нему.

Скорее всего, перед хозяином украшений стояла задача: спрятать всё так, чтобы весь драгоценный комплект уместился в узкий сейф. Так как кольцо и диадема целиком не помещались в рамку-коробочку, их «разобрали» таким вот способом.

Почти все места для вставки крупных камней были пусты. Лишь мелкие синие камушки сохранили в оправе. Также в оправе были и другие камни – искрящиеся, похожие на бриллианты. Сама основа представляла из себя тонкое, но весьма прочное и витиеватое плетение. Металл белый и не потемнел от времени. Если в эту основу вставить недостающие круп-

ные синие камни из коробков – получится редкое по красоте, изделие. Кира тут же поняла: в тайнике хранилась основа для комплекта старинных украшений, а в спичечных коробках спрятаны камни от него.

– Вот так старушка, нищий одуван... – промолвил Эдик глядя, как Кира аккуратно разложила на столе основу для ожерелья и пыталась к пустующим местам для вставки приладить камни из коробка.

– Нужно всё это забрать домой вместе с фотографиями и изучить родословную нашей актрисы.

– А как? – спросил Эдуард.

– Молча и незаметно! – Кира почему-то обиделась на супруга. – Ну чего ты ерунду спрашиваешь? Придём домой и включим интернет. Может там информация всплывёт.

– Да не горячись ты, почему ж ты так разволновалась? – Эдик непонятно за что, стал оправдываться.

– Как тут не горячится! Ведь эти украшения мы, скорее всего, и показать-то никому не сможем! Я хоть и не понимаю в камнях, но в этих коробках явно больше, чем мы с тобой в фонде заработали за всё время. Спрятать это нужно. Давай-ка прямо сейчас поедem в банк и закажем ячейку для хранения.

– Мне одно не понятно: зачем же всё разломали? Каркас отдельно, а камни – в коробки понапихали? – спросил Эдик.

– Может, у одного из членов семьи хранился один коробок, у другого – второй, ещё у одного – третий. Ну а фото-

графия с тайником – у четвёртого. Так по отдельности легче всё спрятать. Да и камни можно продать в случае голода или нужды. Потому они более-менее крупные и вытащили и по коробкам рассовали! Но обрати внимание: ни одного камня не пропало. Все сходится! – резюмировала Кира.

– Сколько ж это стоит? – у Эдуарда заблестели глаза.

– Я даже не представляю! Вещь или царская, или князьёв каких-то. Но сунуться с оценкой к ювелирам мы не сможем. Сразу возникнут вопросы: откуда гарнитур. А такого уровня драгоценности даже по отдельным камням вычислить могут. Или мы с тобой всё сдаём как клад и получаем свои 25%...

– Или?! – с укоризной сказал Эдик. Понятно: получать жалкую четверть от сокровищ он не планировал. Кира на вопрос мужа лишь улыбнулась! У неё и в мыслях не было рассматривать такой вариант:

– ...или мы сами пытаемся выяснить: откуда у бедной актрисы царские цацки и всё прячем у себя! – закончила она.

– Погоди-ка... – Эдик аж дёрнулся. – Смотри на фотографию, где каркас спрятан был. Заметила сходство?

Кира взяла в руки фотографию и тут же чуть не выронила её из рук.

– На бабе – кольцо и браслет. – дрожащим голосом произнёс Эдик.

– И серёжки... – дополнила Кира.

– Значит, хранила наша актриса семейную реликвию, не иначе.

– Жаль только... – начала Кира.

– Не понял! – У Эдуарда аж лицо вытянулось. – Ты что: жалеешь, что мы эти драгоценности нашли?!

– Конечно нет! – рявкнула Кира. – Я жалею, как быстро всё с ней случилось. Мы же её на препаратах держали. Она спала, считай, всё последнее время. Теперь не выяснишь: откуда такие сокровища и хранила ли она ещё чего-нибудь.

– Кто ж знал, что у нищей актрисы царские драгоценности. Всё! Бегом в банк это прятать.

Тем же вечером, поместив чужие сокровища в банковскую ячейку, семейная пара погрузилась в изучение родословной актрисы Петровой. Забив в поисковом окне фамилию «Петрова», благотворители ничего подходящего не нашли. Зато фамилия, указанная на фотографии и девичья фамилия актрисы, сразу объяснила многое. До революции двойная фамилия «Азанова – Эльх» гремела на всю Россию. Известность и состояние этой семьи сравнима с сегодняшними миллиардерами. Ведь «Азановы» – одни из крупнейших золотопромышленников России. Семья нажила огромный капитал, исчисляющийся миллионами рублей. Единственная наследница вскоре вышла замуж за небогатого дворянина по фамилии Эльх. Таким образом появилась не только аристократичная пара, но и двойная фамилия. Супруги переехали в столичный Петербург. Построили роскошный особняк. Денег было столько, что муж дарил своей любимой жене по пасхальному яйцу работы Фаберже. Сам факт зака-

за такого подарка у придворного ювелира, подтверждал высокий статус заказчика и его баснословное состояние.

Очевидно: в доме предков актрисы не держали бижутерию. Да и невозможно предположить, что так бережно станут хранить дешёвку! Одна выемка камней – кропотливая ювелирная работа, которая под силу лишь профессиональному мастеру. Явно актриса оберегала семейную реликвию как минимум из золота и сапфиров.

Но сколько пара не изучала чужую родословную – ответов по ценности ювелирного гарнитура не находила. На самом изделии отсутствовала проба и хотя бы какое-то клеймо или маркировка мастера, а к камням не полагался сертификат. Складывалось впечатление: ювелир, который вытаскивал камни, специально все опознавательные знаки уничтожил. Потому определить ценность изделия могла только художественная и ювелирная экспертиза.

Как удалось сохранить царские сокровища и имелось ли ещё что-то ценное у актрисы, уже не выяснишь. Три недели семейная пара перерыла всё в доме. Даже вскрывали пол, проверяли фановые трубы и ободрали до кирпича стены: нашли лишь несколько копеек времен СССР.

Но факт оставался фактом: Кире и Эдуарду досталось произведение ювелирного искусства, представляющее художественную, материальную и историческую ценность.

Через два дня после финального шмона, когда в квартире актрисы были вывернуты наизнанку стены, пол, потолок и

трубы. у Киры сдали нервы. Как ни пыталась она по интернету выяснить стоимость камней, всё безрезультатно. Даже измерив их линейкой вдоль и поперёк и определив, таким образом, вес в каратах «на глазок», конкретики по цене нет. Ни точного веса, ни реальной ценности камней, ни даже их названия, адвокатша не знала.

Кира отнесла один из средних синих камушков ювелиру. Того чуть удар не хватил, как только он увидел камень:

– Откуда у вас это? – вдруг в голосину взвыл до этого уравновешенный и интеллигентный мастер.

– От бабушки мужа осталось кольцо. Вот выпал камень. Думаю, сделать новую оправу. – Кира отбарабанила заблаговременно отрепетированную фразу. – А что за камень?

– Великолепный и редчайший сапфир. Старинная огранка. Такого уровня камни могли позволить лишь аристократы.

– Не удивительно! Семья мужа имела дворянские корни. – заранее заготовленную ложь проговорила Кира. – Кстати, а сколько примерно такой камушек стоит?

– Минимум 10 тысяч долларов.

– Да... Такой камень требует достойной оправы. Самое лучшее – бриллианты?

– Я могу предложить классическую модель, например... – начал было распинаться ювелир.

– Спасибо, я подумаю. – Кира прервала его и, быстро распрощавшись, вышла из мастерской.

На улице её ждал взъерошенный Эдик. Увидев супругу, он еле сдержался, чтобы не кинуться к ней.

– Что ты дёргаешься! – сквозь зубы проговорила Кира. – Иди спокойно.

– Ну? Сколько стоит? – покусывая от волнения губы, прошептал Эдуард.

– Минимум 10 тысяч долларов. – отрапортовала Кира.

– А всего камней...

– Если все сапфиры, то умножай на 30. Итого одних только синих камней на 300 тысяч долларов. Но это мы ещё самые крупные не оценили! Они могут стоять в несколько раз дороже! А само изделие, считай, под полмиллиона. Если оно Фаберже или какого-то другого известного ювелира, то дороже.

– Ни хрена себе! – Эдик даже подскочил. – Пара камушков равняется стоимости квартиры, где их прятали.

– Жаль. Нельзя это всё продать...

– Почему? – удивился Эдик.

– Потому что ты дурак! – отрезала Кира. – Вспомни Малинину! С чего кипишь начался? Ну! Говори!

– Чего разоралась. – Эдик не шёл на попятный. – Подошла к нам тётка Каратова и...

– Ты совсем безголовый, да? – Кира завелась не на шутку.

– Говори по делу, сучка! – муж ясно дал понять: Кира перегибает палку и уж если Эдик заведётся, скандал разразится прямо на улице. Но супругу уже не остановить:

– Ты же преподаватель в милицейском вузе! Хотя бы книжки читал, которые в библиотеке на халяву можно взять! Такие произведения искусства на барахолке не продаются. Их покупает очень узкий круг на аукционах. А кипишь по-друга Малининой подняла, как раз тогда, когда на аукционе продавали картины балерины. Причём картины были чистые: Малинина сама разрешила их реализовать. Подпись на документах её стояла! Уже неважно: в каком состоянии ума она её ставила. И ещё тебе для справки, ментовский лектор! Любой аукцион проверяет не только подлинность, но и историю владения. Ты думаешь, там такие же тупоголовые, как ты? Мало предложить ценную вещь для аукциона! Нужно доказать, что покупатель приобретет то, что потом возвращать не придётся. Никто не хочет связываться с краденым. Вдруг этот ювелирный комплект когда-то принадлежал каким-нибудь князьям или императорам? Для семьи золото-промышленников купить яйца Фаберже – не проблема! Потому это спокойно может оказаться гарнитур каких-нибудь царей. А ты как докажешь, что хотя бы камни твои? Никаких документов, что нам Петрова завещает всё своё имущество, у нас нет! У нас лишь дарственная на квартиру! Только мы эти камни засветим, как набежит куча дальних родственников Петровой! Мы ещё не знаем, как нам аукнется её дарственная на квартиру. Но как только речь зайдёт о полумиллионе долларов, то тут же повылазят троюродные племянники и четвероюродные дяди.

– Ну я ж не знал... – Эдик театрально развёл руками. Он хоть и понял: жена во всём права. Но признавать свою глупость так сразу не хотел.

– Да я не на тебя злюсь, а на себя... – вдруг жалостливо произнесла Кира.

– Чёй-то ты? – муж нежно погладил Киру по плечу. – Ты у нас самая умная. Мы это оба знаем.

– А той-то! – Кира хоть и передразнила супруга, но положила свою руку ему на плечо. – Я ювелиру наплела – вроде твоей семьи камень. У тебя ж действительно бабка-дворянка. Кто сейчас проверит: откуда у неё мог сапфир взяться! Ювелир в легенду вроде поверил. Это нам большой плюс: камни безымянны и вычислить украшение, в которых их вставляли, невозможно. Потому забудем мы эту историю и пусть всё в ячейке лежит.

Всё же у супружеской пары сохранилось замечательное свойство: они, хоть и бурно выясняли отношения, но мирились, находя общее. Таким общим являлся их фонд. Точнее – те барыши, которые они из него извлекали. Ради этих нетрудовых доходов они могли пойти на многое. Даже на примирение после взаимных оскорблений.

Однако вся эта история с царскими драгоценностями сильно изменила Киру. Ей, как выяснилось, просто кровь из носу хотелось постоянно чем-то выделяться. Выбившись из нищеты, её идеей фикс стало «обвешаться» всеми «достижениями» сразу, и, тем самым, словно прокричать этому миру:

«Смотри! Я – есть! Я – добилась! Я – лучше остальных! Я имею право делать то, что делаю!»

Таким вот выпендрёжным средством стали украшения. Не прошло и месяца, как Кира всё же отнесла ювелиру несколько камней и ей сделали весьма неплохой, в классическом стиле, комплект. Когда те, кто разбирался в камнях, видели на адвокатше эти украшения, отмечали про себя их реальную ценность. Немногие осмеливались высказать своё восхищение вслух лично ей. Хотя, именно этого как раз и ждала всем сердцем Кира! Она искренне расплывалась в улыбке и проговаривала заранее заученный текст. Мол, всё досталось от мужниной бабки-дворянки. Якобы все украшения передавались по женской линии и теперь супруга наследника, как и принято в дворянской семье мужа, носит фамильные ювелирные гарнитуры.

В течение года коллекция «бабкиных» украшений пополнилась комплектами с изумрудами, рубинами и бриллиантами. Выходило, что бабулька у Эдика – не рядовая дворянка, а, как минимум, княжна из рода Юсуповых. Ведь чистейшие бриллианты, изумруды и рубины могли позволить лишь очень состоятельные люди в дореволюционной России.

Легенда о фамильных драгоценностях не выдерживала никакой критики! Кроме сапфиров, остальные камни имели современную огранку и дизайн под старину. Потому Кирочка шла на уловку: она никогда не снимала кольцо с сапфиром, который ей достался «по наследству» от актрисы из

рода золотопромышленников. И, когда заходил разговор об украшениях, Кира вскользь упоминала, мол, это бабкино наследство! А уж один камень – явно огранён до Октября 1917 года. Главное – дать расплывчатый ответ, к которому сложно придраться. Вот Кира и отвечала неопределённо про семейные реликвии. При этом не уточняла: какое именно изделие имеется в виду.

Что касается «цены», которую платили за новое Кирочкино хобби, опекаемые фондом, пенсионеры, так цена ими была заплачена самая дорогая: жизнь. Эдик закрывал глаза на новое увлечение бездетной супруги. Он понимал: для неё все эти цапки – смысл жизни. Не будь их – не станет и жены. Сам же Эдуард довольствовался дорогими светлыми костюмами, пошитыми на заказ да поиском антиквариата для обустройства их жилья.

Теперь они – вроде как новые дворяне. А дворянам, как это и принято столетиями, положено заниматься благотворительностью. Один этот «благотворительный» факт, по их мнению, приобщал их к высшему свету. У них было всё: положение в обществе, аксессуары, костюмы индивидуального пошива, антиквариат, балы и приёмы, бриллианты и благотворительные проекты. Не хватало лишь дворянского гнезда.

Вскоре пара обзавелась элитной недвижимостью в центре. Они продали недвижимость, доставшуюся от стариков и расселили коммуналку. Теперь из окон их новой трёхкомнатной

квартиры открывался вид на пруд и церковь. Ремонт сделали в стиле «Сумасшедшей Помпадур». Получился дорогой китч на тему рококо: современная отделка, кричащие цвета и навороченная техника странно смотрелись на фоне вензелей и завитков.

Позже, паре захотелось построить загородный дом в стиле Людовика XV. Им хотелось карету, ой, прощайте: машину с водителем. Планов с каждым разом становилось всё больше. «Держать фасон» стоило всё дороже. Кто оплачивал все их хотелки? Конечно же – пенсионеры. Ну а кто ж ещё? Кира давно не зарабатывала по специальности. Эдуард получал символический оклад в ВУЗе. Зарплату в фонде, на радость попечителям, супруги получали небольшую.

Не будь случая с царскими драгоценностями, то так бы благотворители и жили. Ещё бы несколько стариков умерли в полном неведении; их дальние родственники остались бы без наследства; Эдуард ходил бы весь в белом; Кира – вся в блестящем. Но... Как это происходит со всеми мошенниками, семейная пара потеряла не только берега, но и бдительность. Вся погоня «за блестящим и светлым» вынуждала идти на большей риск. В их случае риск – это частые проводы опекаемых стариков под «Похоронный марш» Фредерика Шопена. Так, Кира и Эдуард стали самыми настоящими беспредельщиками! Ждать годами перехода права собственности (как это было в случае с Изотовым и Кричевским), они больше не хотели. Смерть пенсионеров стала абсолютно

рутинным, будничным делом. На очередного старика Кира смотрела, как на новые серёжки и браслетик. А Эдуард на очередную старушку – как на антикварный комод.

Назвать руководство фонда животными – значит: оскорбить животных. Даже самый свирепый хищник на фоне Киры и Эдика выглядел бы беззащитным зайчишкой.

Если поставить в один ряд самые громкие дела чёрных риелторов – беспредел благотворительного фонда выделялся особым цинизмом. Ведь для черных риелторов самое простое – найти одиноких людей. Для этого подкупают медсестёр, врачей, участковых.

Здесь же, в фонд под руководством Киры и Эдуарда, одинокие пенсионеры сами выстраивались в очередь. Сложно такое представить, но старики, словно агнцы, сами шли на бойню. Фонд стал настолько популярен, что многим пенсионерам отказывали. Критерий отказа? Нет! Не количество регалий, тяжесть болезней, отсутствие родственников или реальный вклад в культуру умершей советской империи. Легче сказать о критериях приёма в богадельню. Их было всего два: актив в виде недвижимости, начинающийся от 50 тысяч долларов и отсутствие близкой родни.

Тут важно ещё понимать специфику целевой аудитории фонда. Многие деятели культуры, обласканные властью и получившие ценные квадратные метры, профукали свою жизнь. У кого-то не получилось с детьми в своё время. Кто-то жил так долго, что растерял всю родню. Кто-то наоборот:

рассорился со всеми. Но всех объединяло: отсутствие близких людей и квартира, доставшаяся от государства. Благо последнее не скупилось на выделение двушек или трёшек в престижных домах для артистов, писателей и художников.

По странному стечению обстоятельств, пенсионеры в их фонде имели недвижимости на общую сумму в несколько миллионов долларов. Тут не нужно быть Нострадамусом, чтобы предсказать: кто рано или поздно станет новым владельцем лучших активов.

Также были решены и проблемы, с которой сталкивались другие чёрные риелторы – это недоверчивость и мнительный стариков. Для группировок преодолеть данную преграду непросто. Иногда приходится долго обрабатывать пенсионеров, дабы те, по доброй воле, хотя бы впустили в своё жильё. Но для Эдика и Киры этой проблемы не существовало в принципе. Ведь их фонд «рекламировали» как сами подопечные, так и сильные мира сего. Плюс реноме самих руководителей не запятнано скандалом. Эдуард – так вообще преподаватель в ВУЗе МВД. Кира – перенесла от переживаний инфаркт. Ну как такие благородные люди пойдут на преступление?

В этом и заключался феномен фонда. Руководство из кожи вон лезло, дабы создать и поддерживать иллюзию, что их фонд – лучшая, гуманнейшая, порядочнейшая богадельня новой России. Они чуть ли не силой добивались от СМИ и своих знакомых, чтобы рядом с их фондом употреблялись

прилагательные в превосходной степени. Потому старики, которым все уши прожужжали их знакомые, о том, какой это замечательный фонд, верили всему на слово. Да и как не поверить, когда не только их знакомые, но и уважаемые люди «в телевизоре» утверждают тоже самое? Вот старики и верили, что наконец-то дожили до справедливого островка коммунизма, который возглавляли бывший актеришка и адвокатша.

Никто не мог даже представить, что существует неприметная синяя книжица и в ней таятся секреты особого «ухода» за стариками. В книжице, на страничках схем лечения, около ФИО пенсионеров, находились дополнительные пометки с названиями препаратов, которые гарантировали неизбежность поступления нового заказа в крематорий. Во многом благодаря инновационной схеме «лечения», несколько раз в год, Кира и Эдик торжественно провожали в последний путь очередного старика. В общей сложности, за всю их «деятельность», было отправлено на тот свет 30 человек.

Если проследить за «ротацией» подопечных фонда, то средняя продолжительность жизни опекаемых пенсионеров не превышала 5 лет. Такой «гуманизм» объясняется просто. Во-первых, всё организовали двое: Кира и Эдуард. Но их рук да ног всего две пары. Если бы они могли клонировать себя и гарантировать, что двойники не взболтнут лишнего и не допустят оплошностей, стариков и похорон стало бы больше. Но это всё – из разряда фантастики. Как и тот факт: приведи

они кого-то постороннего и посвяти его в свои планы – он заломит большой процент со «сделок». А то и того хуже: он сам и выдаст все их делишки с потрохами!

Кира и Эдуард отлично помнили случай с прима-балериной Малининой и сделали оргвыводы. Бандиты, обокравшие пожилую артистку, играли по-крупному. Потому и вынуждены были вовлечь в свою схему лишних людей: двух сиделок, нотариуса, таможенников. То есть минимум 5 физических лиц оказались «в теме». В итоге, весь проект рухнул, когда одна из сиделок не потрудилась грамотно утилизировать шприц. Неосторожно вынесенный ею, мусор, повлёк убытки на миллионы.

Потому семейная пара ещё со времён «работы» над получением самых первых объектов недвижимости, чётко для себя определила: продолжают работать только вдвоём. Никого со стороны не привлекают. На слишком вкусные объекты недвижимости не покушаются (чтобы не составлять конкуренцию реальным бандитам). Никакие сиделки, врачи в поликлиниках, ни один из опекаемых стариков или попечителей ни о чём догадаться не должны. Максимум, кто сотрудничает с Кирой и Эдиком за отдельный гонорар для решения «щекотливых» вопросов – нотариус и врач.

Эскулап и нотариус не знали имени и фамилии друг друга. Более того: они не видели друг друга ни разу! Они могли догадываться, как и с помощью каких специалистов на самом деле зарабатывал деньги благотворительный фонд. Но... те

суммы, которые выплачивались им за непыльную работёнку, умирал любой полёт фантазии и мотивировал держать рот на замке.

Позже, когда правоохранители попытаются вычислить этих «коллег по цеху» с помощью биллинга, они не нашли ни одного сомнительного звонка. Видимо, помешанные на конспирации, Эдуард и Кира, даже не звонили им по телефону, а встречались с врачом и нотариусом в условленном месте. Но так как нотариус ставил свою подпись под документами, то его личность в будущем смогли установить. О враче так ничего выяснить и не удалось.

Таким образом, Кира и Эдик создали преступную группировку. Правда только главари банды знали о количестве и ролях всех членов объединения. Да и работается легче, когда знаешь: каждый из винтиков можно заменить без ущерба для всего предприятия. Ведь эти винтики даже не знают друг о друге, и их работа не зависит от результата другого. К сожалению, Эдуард и Кира оказались отличными менеджерами. В фонде чётко были поделены обязанности.

Нотариус физически, то бишь ручками, оформлял или дарственные, или завещания или договора ренты. При этом он закрывал глаза на пограничное состояние стариков в момент заверения документов. В его интересах было помалкивать. Ведь за это всё ему светила «уголовка». Но он понимал, с кем имел дело! Фонд был настолько вне подозрений, а его подельники, ой! руководители фонда взлетели так высоко,

что тень на их, по сути, криминальную деятельность мало что могло бросить.

Врач (или врачи) консультировали по схемам медленного, но верного угасания пенсионеров. Следователи их прозвали: «последователи доктора Менгеля». Всё с точки зрения медицины было проделано так, будто врач или врачи ставили бесчеловечный эксперимент над несчастными стариками по незаметному для вскрытия, уходу из жизни. Если бы не синяя книжица, вскрытие и последующая эксгумация ничего бы и не показала!

Если забежать вперёд – то эксгумация и не могла ничего показать. Ведь всех стариков, чьи квартиры получала липкая пара, кремировали. Кира и Эдуард действовали с маниакальной осторожностью, боясь: а вдруг что-нибудь сорвётся и в буквальном смысле сжечь улики не получится? Тогда назначенная судебная экспертиза всковырнёт всю подноготную фонда! Потому единственными доказательствами контролируемой смерти пенсионеров были личные пометки Кирры в книжице синего цвета.

Какова была мотивация врача или врачей – загадка! Именно так и остались тайной. Равно как и количество и специализация консультирующих врачей. У следователей даже имелась версия, что врачей-убийц нужно искать среди кардиологов. Почти все кремированные старики оказались «сердечниками». Например, в синей книжице 70% составляли препараты, борющиеся с ишемией или понижающие дав-

ление. Даже отдельно разрабатывалась версия, что в фонд брали под опеку тех пенсионеров, которые имели схожие диагнозы.

По версии следствия, смерть пожилых людей от якобы «застарелых» проблем с сердцем или повышенным давлением не выглядела подозрительной. Ведь чтобы ускорить кончину, достаточно грамотно давать препараты, понижающих давление. Вскрытие в этом случае покажет естественный уход. Ничего криминального!

Возможно, истина бы открылась, если бы следователи разгадали верно слова, скрывающиеся в трёх буквах. На страницах синей книжицы, начиная с актрисы Петровой, стала появляться аббревиатура: «К.Д.К.». Следователи долго не могли понять её значения. Один из консультантов предположил, что это слова: «Консультирование – Диагностика – Комплекс (лечения)». И он был недалек от истины. Аббревиатура «К.Д.К.» означала: «Кровать. Диагноз. Крематорий». Почти каждого старика, которого пара приговаривала к высшей мере наказания, старались в буквальном смысле положить. Для начала – на кровать. Ну а потом – в гроб.

Как благотворители этого добивались и зачем? Ведь пенсионер – это и так не абсолютно здоровый человек! Можно «залечить» и ту болезнь, которая уже написана в медицинской карте. Но липкая пара стремилась у своих подопечных увеличить количество проблем со здоровьем, чтобы старики заработали новое, или у них обострилось старое заболе-

вание. «Чем больше диагнозов – тем легче скрыть причину смерти» – Кира любила цитировать штатного врача. Потому с маниакальным упорством, благотворители всеми правдами и неправдами старались обездвижить стариков.

Эдик и Кирочка аккуратно намекали старикам и старушкам: «Вы так устали! Вам нужно полежать и отдохнуть! Вот препарат, который улучшит сон и настроение. Мы сами его принимаем и можете спросить у всех знакомых: это безвредно и только на пользу!»! Пенсионеры, ощутив такую «заботу», послушно кушали эти таблетки. Таким образом, они всё больше времени проводили в праздности и сне.

У пожилых людей, ведущих малоподвижный образ жизни, обостряются как старые заболевания, так и появляются новые. Всем известно, что недостаток двигательной активности влияет на все органы и системы организма, приводя к их дисфункции. По негласной статистике фонда, двое из трёх стариков после «кроватьного режима» получали проблемы с сердцем и скачущее давление. Остальная треть, рано или поздно диагностировали у себя: атеросклероз, излишний вес, эндокринно-обменные расстройства, депрессии, неврозы, остеохондроз, остеопороз, заболевания бронхолегочной системы.

«Чем больше спишь – тем больше хочется»! Если бы у фонда существовал слоган, то звучал бы он именно так. Все пенсионеры-смертники сутками находились в полусне. И здесь плюсы не только в новых / старых диагнозах. Несчаст-

ные пенсионеры не могли сопротивляться. Они не могли пожаловаться. Главное: они сами не понимали, что и почему с ними происходит. Вот так, тихой сапой, с первой частью своего плана под буквой «К» благотворители справлялись. Старики почти не выходили из дома, и их двигательная и мозговая активность сводилась к нулю.

Таким образом пара продвигалась ко второй части плана под грифом «Д»: диагноз. Пенсионера вели в обычную районную поликлинику, где врач прописывал схему лечения. Для пары было важно, чтобы в будущем с точки зрения закона к ним не к чему было прикопаться. Потому для них была весьма важна карточка больного, в которую, ничего не подозревающие врачи в поликлиниках, своей рукой вписывали диагнозы, схемы лечения, результаты анализов и факт естественного ухудшения здоровья.

Так устроена сегодня система медицинской помощи в большинстве поликлиник, что врач, увидев перед собой «клиента за 70 лет», действовал строго по протоколу. Эти протоколы отлично знал штатный врач-убийца липкой пары и мог заранее предугадать: что и почему посоветует его collega.

Например: выпишет врач в поликлинике одно сердечное средство, а штатный врач-киллер или «подкорректирует» дозировку, или вовсе заменит на другой препарат. Такие замены могли быть очень частыми. Чтобы не забыть: кто и чем «лечился», Кира всё записывала в синюю книжицу. Там она

помечала и диагноз, и дозировки препаратов, и продолжительность приёма.

По прошествии какого-то времени старика снова ведут в поликлинику. Там врач назначает анализы, исследования и прописывает новую схему лечения. Тут же штатный киллер снова вступает в бой за чужую квартиру и, назначив более сильные или наоборот, более слабые снадобья, приближает получение собственности. Позже, когда следователи изучили медицинскую карту несчастных пенсионеров, они заметили общее: после попадания под опеку фонда, старики в течение нескольких месяцев стали намного хуже себя чувствовать. К концу жизни это были неходячие мумии.

Положа руку на сердце, стоит отметить один момент. Одним из самых частых предписаний врача в поликлинике – это поездка в санаторий и увеличение двигательной активности. Но сами пенсионеры (пока ещё хоть что-то соображали), отказывались. А зачем им было напрягаться, когда рядом такие заботливые благотворители? Им и дома, с таким уходом, жилось лучше, чем в санатории! Им и таблетку вовремя подадут и вкусное питание обеспечат. Потому, то ли от жизненной усталости, то ли от естественной старческой лени, пенсионеры в буквальном смысле ложились на кровать и, сами того не подозревая, подводили себя в последней черте под литерой «К»: крематорий.

Но в фонде были старики, у кого был рак. Как стало ясно из заметок Киры, эффективные лекарства для лечения он-

кологии заменялись менее эффективными. В итоге человек не получал должной терапии и таким образом его кончина ускорялась.

Здесь стоит ещё сказать об одном моменте. А именно: как заменялись препараты и кто их давал. И тут нельзя обойти стороной перемены в отношении фонда к сиделкам. Благотворители быстро смекнули: штатные сиделки, которые работают давно в фонде, могут рано или поздно что-то заподозрить. Потому со всеми штатными сиделками постепенно распрощались. Зато активно стали брать на работу женщин без медицинского образования. Некоторых даже учили с нуля ставить уколы и обучали минимальным навыкам. Такая сиделка, даже если и захочет, не станет задавать лишних вопросов. Ведь соответствующего образования-то нет! Имелся и ещё один критерий для приёма на работу: это проживание сиделок в другой стране. Женщинам делали временную регистрацию и старались брать только тех, кто приехал в столицу подзаработать за год-два денег и свалить обратно на родину.

Что касается лекарств, то проще всего было с таблетками. Якобы для удобства сиделок, руководство фонда стало выдавать специальные разноцветные контейнеры для пилюль, которые наполняли самостоятельно. Что там были на самом деле за таблетки – знали только три человека: штатный врач, Кира и Эдуард.

Если бы сиделок поймали за руку – то липкая пара смогла

бы выйти сухой из воды. Ведь всё можно свалить на невнимательность самих сиделок, которые могли положить черт знает что в контейнер. Кому поверят? Сиделкам без медицинского образования, которые находились в столице по временной регистрации или руководству фонда, которых знает вся страна?

Некоторые старики не доверялись сиделкам по разным причинам. Например, когда нужно было делать определённые уколы и использованную ампулу было не так просто скрыть от чужих глаз. Кирочка, собственными ручками, увешанными, в зависимости от цвета костюма и настроения или бриллиантами, или рубинами, или сапфирами, или изумрудами, делала нужные укольчики. Эдуард, забыв про свою брезгливость и засучив рукава светлого пиджака, так лихо намастырился ставить уколы, что все старики хвалили его за лёгкую руку и минимальные болевые ощущения. По сути, супруги освоили на сто процентов специальность «медицинской сиделки». Правда, получали они за свою работёнку не гроши, а суммы, куда значительно больше!

Если Эдику и Кире нужно было срочно сделать укол, но в этот момент присутствовала сиделка, пара её выпроваживала под благовидным предлогом. Иногда в магазин. Иногда в аптеку. А иногда и просто просила переночевать в другом месте. Мол, вы устали, голубушка! Надобно вам отдохнуть-с! Мы пока вас подменим. Таким образом, нанятые сиделки ничего не знали о происходящем. А если и догадыва-

лись – помалкивали с грязную тряпочку.

Что касается количества смертей, то плана не существовало. Основной критерий: отсутствие подозрений. Это и являлся той причиной, по которой гарантировалась относительно спокойная и долгая жизнь пенсионеров. Так, по сравнению с некоторыми группировками чёрных риелторов, где после подписания перехода права собственности жертвам отводилось жить считанные часы, пенсионеров фонда можно назвать долгожителями. Кира и Эдуард не хотели, чтобы частота кремаций вызвала хоть малейшее подозрение. Они с превеликим удовольствием отправили бы на тот свет всех подопечных. Но тогда к ним не только бы возникли вопросы, они бы просто не успели потратить те активы, которые перешли им по завещаниям или дарственным. Потому, кого-то «уходили» годами. А кто-то не выдерживал и обеспечивал переход права собственности на свою квартиру за несколько месяцев.

Для того, чтобы скрыть истинные причины смертей в фонде, пара не все квартиры прибирала к рукам. Более 80% недвижимости отходили или дальним родственникам, или государству. Обо всех таких случаях трындели на каждом углу. Таким образом лишний раз показывали: какой «бескорыстный» фонд и чужая недвижимость на фиг фонду не нужна.

На самом деле, когда приходило время корректировать лечение, на семейном совете выносился окончательный при-

говор. Кому жить, а кому: не долго. Критерий: ценность квартиры. Например, если у одного старика была квартира дороже, то ему выпадала черная метка. Тот, у кого недвижимость оценивалась меньше, лечили по-честному.

Что ж в итоге? Если судить по количеству записей синей книжицы, 30 человек за 22 года были доведены до смерти и кремированы. Следовательно, 30 объектов недвижимости перешли в руки липкой пары и обеспечили супругам шикарную жизнь.

Когда шкатулки и шкафы были заполнены под завязку, пара сконцентрировалась на новой страсти: увеличении стоимости своих активов.

На тот момент, по действующему законодательству, через три года после получения собственности, можно продать недвижимость без уплаты налогов. Потому пара сдавала квартиры положенный трёхлетний период, а потом продавала «наследство».

Вырученные деньги они вкладывали в покупку новостроек. Например: продав старую двушку, можно было приобрести два объекта недвижимости на стадии «котлована». В тот момент наступил самый настоящий бум недвижимости. Квартиры, купленные на начальной стадии строительства, уже через несколько месяцев не только окупали себя, но и значительно вырастали в цене. Используя свои связи, Эдуард и Кира старались вкладываться только в те объекты, которые гарантированно будут достраиваться. Что ни говори: советы

сильных мира сего помогли паре не ввязаться в долгострой.

Таким образом, став собственниками в общей сложности 30 стариковских квартир, сдавая и продавая их через 3 года, пара приобрела новые объекты недвижимости. Далее, после получения собственности и по прошествии 3 лет аренды, и эти квартиры продавались. На вырученные деньги приобретались новые объекты и так далее.

К 2018 году Кира и Эдуард владели, в общей сложности, 70 объектами недвижимости. Это были и квартиры-студии эконом класса, и квартиры большей площади, расположенные в престижных комплексах, и коммерческие помещения, и элитная недвижимость. Благодаря грамотному инвестированию, супруги владели активами, превышающими 1 миллиард рублей.

Конвейер из стариков работал, как часы. Однако не существует в природе вечного механизма. Рано или поздно всё приходит к завершению.

Когда прохвосту наступили на хвост

Преступникам «прилетает бумеранг» лишь в трёх случаях: или глупая случайность, или нарываются на более ушлых мошенников. Или, как в случае Эдуарда и Кирочки – срабатывают оба этих фактора.

Наступил 2019 год. Липкая пара чувствовала себя Фараонами эпохи Нового Царства. Потому творили, что хотели. Стариков кремировали чуть ли каждый квартал. Пустых страниц в синей книжице почти не осталось. И вот, как ка-

залось липкой паре, сама судьба преподносит им очередной приятный сюрприз.

Великая певица и актриса Безицкая упала в обморок прямо на своём концерте. Загремела в больницу. Диагноз: опухоль мозга. Жить великой артистке оставались считанные недели. И в этот срок она хотела успеть сделать последние распоряжения. А распорядиться было чем!

Как сказала бы современная молодежь: актриса была упакована по полной: квартира в «высотке»; особняк на Рублёво-Успенском шоссе; ювелирка под миллионы долларов. И у этой именитой артистки в наследниках – лишь муж-инсультик, да дочь с переломанным позвоночником. Оба потенциальных наследника – хоть и неходячие, но вполне дееспособные.

На такой каравай охотников нашлось много: тут и многочисленные племяшки, и тётки с дядями, и ученики, и домработницы, и даже преданные поклонники таланта певицы. Всем хотелось откусить от сладкого пирожка хоть тонюсенький кусочек. Ведь даже малая часть наследства исчислялась миллионами рублей.

Но когда счёт идёт на миллиарды, таким мелким рыбкам-прилипалам нечего ловить. Все дальние родственники и друзья отошли на второй план. В игру вступили фонд Киры и Эдика и другие организации, связанные с группой очень влиятельных людей.

А всё потому, что в наследственную массу входило... пят-

но. Пятно под застройку. В самом центре Москвы. В своё время, градоначальник можно сказать, «подарил» несколько гектаров драгоценной земли лично Безицкой, чтобы та построила там свой театр. Оформлено всё на фонд Безицкой, где она была учредителем совместно с одним из департаментов столицы. Целевое назначение земли – под застройку «культурного центра».

Театр так и остался на бумаге, но земля никуда не делась! На пустующее пятно так и просился новый торговый или бизнес-центр. По скромным оценкам, застройка данного пятна легко могла бы принести прибыль в миллиарды рублей любому ушлому застройщику. Главное: завладеть этим пятном. Всего-то нужно войти в фонд одним из учредителей и дальше, как говорят ушлые юристы: дело техники. Пятно отходит «правильным людям» легко и вполне законно.

Безицкая прямо из больницы, использовав все свои связи, сделала всё, чтобы её муж и дочь вошли в состав учредителей её фонда. Только так по закону можно обеспечить наследование земли. Ушлые застройщики тут же стали обрабатывать новых законных хозяев пятна. Важно было убедить будущих наследников Безицкой, что их проект по застройке – самый лучший.

В СМИ эта эпопея получила название: «Битва проектов». Одна организация соревновалась с другими в масштабности строительного замысла, возможности увековечить память великой артистки и художественной ценности

строения. Каждое юрлицо тратило миллионы рублей на PR, планируя таким образом привлечь общественность к своей идее.

Большинство компаний предлагало построить театр имени Безицкой. На сцене можно было делать что угодно: хочешь – ставь спектакли; хочешь – устраивай фестивали в честь Безицкой; хочешь – открывай школу актёрского мастерства. Главное: на оставшихся «этажах» разместить «чуток» подсобных помещений для сдачи в аренду. Идея представлена так, мол, чтобы театр, в случае чего, мог не беспокоиться о финансах. Ведь деньги от аренды шли бы немалые!

Ежу у тумане было бы понятно: под театр отдастся лишь конура, куда поместиться от силы 20 зрителей. А память актрисы Безицкой будет сохранена на мемориальной доске, которую установят в самом незаметном месте. Но всё представлялось потенциальным наследникам иначе. Главная задача юрлиц – заполучить пятно, став партнёром фонда Безицкой. Ну а там, кто знает? С наследниками всё может случиться! Как оно часто бывает в таких случаях: когда в фонд «грамотно» входит другая организация, и неожиданно, с действующими учредителями фонда что-то происходит, то все активы переходят оставшимся в живых, участникам.

Тут случилось неизбежное: Безицкая умирает. Несчастливым супругу и дочери, хоронящих близкого человека, не до проектов. Все будто затихли в ожидании. Даже прожжённые дельцы понимают: ну не время сейчас лезть с предложения-

ми и чертежами.

Но на похороны, как к себе на работу, заявляются Кирочка и Эдик и садятся рядом с вдовцом и дочерью. Кирочка скорбно трясёт головой (со временем неврологические проблемы у неё стали ухудшаться). Эдичка держит за руку то вдовца, то дочь и помогает им, когда нужно. В целом, складывается впечатление: Эдик и Кира – чуть ли не родственники. Уж слишком близко они находятся с вдовцом и дочерью Безицкой и слишком бойко распоряжаются всем на похоронах.

Тут выясняется, что и транспорт, и священник, и оркестр – всё заранее организовано фондом. Даже временный памятник Безицкой оплачен лично Кирой и Эдиком. Как адвокатша и актеришка уж там всех обработали – неизвестно. Но через неделю после траурной церемонии, весь строительный рынок содрогнулся от новости: на месте пятна под застройку театра Безицкой будет... театр имени Безицкой. Главное отличие от всех остальных проектов – часть помещений будет отведена под творческие мастерские опекаемых фондом, стариков.

Крупные дельцы, когда услышали это, сразу окрестили проект, как «Три «Б»: «Богадельня Без Бога». Всем стало очевидно: пятно уходит в руки Эдички и Кирочки и, в лучшем случае, будет в здании вывеска с выгравированной фамилией Безицкой да пара чердачных помещений, которые отдадут старикам вроде как «на творчество». В осталь-

ном, судя по просочившимся планам, будет отстроен торгово-офисный центр с паркингом, кинотеатром и дорогими ресторанами. Инвесторы нашлись быстро. Оставалось дело за малым: поставить подписи на документах, грамотно утилизировать родню артистки и передать в распоряжение застройщику пятно.

Кира уж было приготовилась делать «заметки» на последних пустых страницах синей книжицы в отношении вдовца и дочери Безицкой, как вдруг... Раздаётся телефонный звонок. А в трубке – знакомый голос:

– Кирочка, добрый день, добрый день! – прямо чувствовалось, как Каратов расплылся в своей фирменной улыбочке.

– Да, Сергей Сергеевич! Рада вас слышать! – по инерции благожелательно ответила Кира.

– Я вот встретиться предлагаю и обсудить кое-что. Но не по телефону. Могу приехать прямо сейчас, куда скажете.

– Помните адрес фонда? – не без подкола произнесла Кира. – Рядом открылся милый ресторанчик. Можем там посидеть.

– Отлично! Я прекрасно знаю этот ресторан. Буду там через два часа, нормально?

– Конечно! До встречи.

Кира повесила трубку. Муж уставился на неё, как телок, и тихо промямлил:

– Чего это было?

– А ты не врубаешься? – с победной интонацией произ-

несла Кира.

– Не-а...

– Будет предлагать выкупить у нас пятно или отдать подряд кому-то из своих знакомых. А может, и сам лапу наложит? Ведь он недалеко от Москвы себе поместье отгрохал в несколько сотен гектаров. Видимо, хочет и в столице обзавестись перспективной недвижимостью.

– А мы чего делать будем?

– Ты же знаешь, свою долю мы уже получили. Шутить с нашими инвесторами я бы не стала: они уже и проект подготовили и деньги под него получили. Там откаты и договорённости на самом высшем уровне. Откажем Каратову грамотно. Скажем: наш фонд уже стал партнёром фонда Безицкой. Мол, всё запущено и ничего менять мы не сможем, даже если захотим. Но ничего не говорим, что пока подписали договор о намерениях. – сказав это, Кира зачем-то перекрестилась.

Через три часа её вера в Бога окрепла. Успев добежать до своего фонда и закрывшись на замок, Кира готова была молиться любым святым, лишь бы повернуть время вспять и стереть из жизни прошедшие часы.

– Зачем мы с ним так... – отдышавшись, произнесла Кира.

– Сам не понимаю! Но Каратов первый начал. Мы же не холопы! – ещё не остыв, прокричал супруг.

– Мы – идиоты... не стоило его злить...

– Кто ж знал, что так получится? Может, всё не так серьёзно? Сколько мы таких скандалов пережили и всё в свою

пользу вывернули. – Эдик произнёс тираду с такой надеждой, что Кира невольно усмехнулась.

– Наивный ты всё-таки у меня...

– Чего делать-то будем?

– Давай вначале восстановим весь разговор с нуля. Только так можно понять: что это вообще было.

– Чего вспоминать-то? – Эдик стал заводиться. – Нужно искать выход.

– Выход из чего? Ты хоть сам знаешь?

– Ну давай, по-твоему сделаем. – рявкнул он так, будто бы Кира одна виновата в произошедшем. – На встречу Каратов пришел один. Через минуту-другую разговор перевёл на дело.

– Дословно помнишь, как он это сказал?

– Не на сто процентов. Но он сказал, мол: знаю, кто будет строить торговый центр на месте театра. Сказал, что его друг на это пятно тоже виды имеет и такого уважаемого человека обижать запрещено законом.

– Давай не язви и обойдись без юморка своего, а?

– А тебя не напрягло, что за какого-то денежного мешка встречается сам Каратов? – словно озвучивая свои мысли вслух, спросил Эдик.

– Нет! Ведь цена пятна, если на нём грамотно реализовать проект – несколько миллиардов. Плюс под этот проект можно денег в несколько раз больше отмыть якобы под постройку объекта культуры. Так что за такие деньги даже народные

артисты шестёрками могут подработать.

– Возможно... – Эдик не любил делать долгих пауз, когда из зрителей никого нет, оттого продолжил. – Дальше ты сказала Каратову: мы не можем отказать нашим инвесторам. Уже всё на мази...

– Он после этого же взорвался? Или, когда ты ему сказал, что мы не его крепостные и по его указке плясать не будем?

– Нет. Я хоть и неправ был. Блин, ну признаю я это, признаю...

– Эдик! Я вообще тебя не виню. Но вспомни – что конкретно было?

– После твоего отказа, Каратов вначале на нас понёс, мол, мы драные людишки и что он наш фонд сотрёт в порошок. Ну а потом я брякнул про крепостных и вскоре появилась эта журналистка.

– Ты её когда-нибудь видел? – спросила Кира.

– Вообще ни разу! – Эдик замотал головой.

– Вот и я ни разу. А фамилию запомнил? Издание?

– Каратов произнёс какое-то незнакомое название. Я в тот момент чуть в рожу ему не дал от обиды. Потому не до журналистки вообще было...

– Ты же знаешь, у меня в последнее время плохо с памятью... Я вот момент упустила: Каратов сам сказал, что журналистка про кремацию наших стариков накопала, или это журналистка произнесла сама?

– Нет. Не совсем так всё было. Каратов после того, как я

на него рывкнул, своим спокойненьким голоском выдал тираду. Дословно не вспомню, но смысл такой: «Я о ваш фонд мараться не стану. Но есть журналисты, которые давно за вами наблюдают и уже составили график частого кремирования. Если вы не отдадите фонд моему знакомому, вся ваша якобы благотворительная деятельность всплывёт, как говно в проруби».

– Значит, только после этих слов появилась журналистка и начала нас спрашивать...

– Кир, я вот одного не пойму: ты же вроде как юрист. Умней меня на три головы. Ладно я, артист, и на эмоции меня вывести легко. Ну ты то зачем такое ляпнула?

– Не знаю... растерялась я, понимаешь? Она как начала документы на наши квартиры доставать...

– Ты выписки имеешь ввиду? – аккуратно поправил её Эдик. Он уже больше года наблюдал, как супруга путала слова, забывала о происходящем и со стороны выглядела блаженной.

– Выписки, конечно! Вот достаёт она выписки квартир Фимки, Вахтанга... Короче почти всех наших стариков и нагло прям мне в нос суёт, мол: на это что скажете?

– Ну ты ей и ответила... – по-привычке театрально жестикуюлируя, произнёс Эдик.

– Ты тоже хорош! Да, я рывкнула на неё и сказала, что по документам старики ушли на тот свет по естественным причинам. Все кремированы. Потому ничего никто никогда

не докажет.

– Так чего ты удивляешься, когда журналистка аж бумаги из рук выронила, когда ты такое сказанула? Она и стала тебя расспрашивать. А Каратов в стороне сидел с довольной мордой. Я считаю, вообще не стоило от журналистки убегать и прятаться в фонде. Лучше было просто встать и уйти...

– Но эта бабёнка всё равно за нами гналась и всё время вопросы задавала про квартиры и крематорий...

– Давай так... – вздохнул муж. – Сделанного не воротишь. Облажались мы оба! Теперь нужно обмозговать: как из этого дерьма вылезать?

– Я думаю, ничего мы делать не будем! Бабки за будущий договор мы уже получили и потратили. Журналистка и Каратов, даже если шумиху поднимут, то только по поводу частого кремирования и нашу собственность на квартиры. Ну и что? Кремирование – последняя воля наших стариков. Равно как и передача нам их квартир. Всё по закону и доказательств умысла ни у Сергея Сергеевича, ни у его поганой журналистки нет и быть не может! К тому же сам знаешь – большинство квартир мы честно передали родне или государству. Нам с тобой верят, и мы можем вывернуть всю ситуацию, будто сам Каратов натравил журналистов, чтобы своих друзей пропихнуть в фонд и заполучить всё наследство Безицкой.

– А что делаем с родственниками Безицкой?

– Вдовца и дочку... – Кира задумалась на мгновение и,

поджав губы, выдавила. – Ну что ж поделаешь! Пусть живут пока! Минимум год, пока строится торговый центр, мы их не трогаем. Нам любая лишняя смерть в фонде ни к чему. Потому и других стариков тоже не травим. Если только кто по естественным причинам уйдёт. Годик пройдёт – а там посмотрим.

– Но мы хотели чуть ли не сразу их, того... И с инвесторами такая договоренность была. Иначе родственники увидят, что вместо театра – торговый центр возводится. Поднимется шумиха...

– Не получается сразу! Сам видишь: в какой замес попали. С инвесторами чуть позже договоримся. Пока стройка идёт, не понять: чего будет в итоге. Когда стены возводят, все строения похожи! А вот когда пойдёт отделка и все станут догадываться, что вместо театра у нас вдруг получился торговый центр с кинотеатром с ресторанами, тогда и начнём ускорять воссоединение семьи Безицкой на том свете.

– Ой, Кирка! Чувствую, где-то мы просчитались...

– Если журналистка или Каратов голос подадут, тогда и начнём действовать. В любом случае сейчас ничего не делаем.

Стратегия «ничего не делать» привела к совершенно непредсказуемым последствиям. На следующее утро, когда супруг ушёл на почту, чтобы отправить очередную порцию макулатуры в виде открыток и телеграммок, а супруга присела на уши очередной заслуженной артистке, на мобильном

телефоне Киры высветился незнакомый номер.

– Алло, доброе утро! С вами говорит адвокат вдовца и дочери Безицкой.

– Слушаю Вас. – Кира застыла с трубкой в руке.

– Нам необходимо встретиться. Лучше сегодня обсудить сложившуюся ситуацию.

– Какую ситуацию? Объяснитесь!

– Родственники Безицкой хотят расторгнуть ранее заключённый с вами договор о намерениях.

– Почему это? Как расторгнуть? Уже вложены деньги в проект, инвесторы ничего не могут откатить назад... Мы же не в бирюльки играем!

– Насчёт инверторов – отдельный разговор. Но договор о возможном партнёрстве был заключен непосредственно с вами. Непосредственно с вами он и будет расторгнут. Насчёт инвесторов у меня нет распоряжений.

– Почему?! – завопила Кира.

– Как почему? – искренне удивился адвокат. – Семья Безицкой прочитала публикации о вашем фонде. Все ведущие СМИ соревнуются в хлётких заголовках. Один только заголовок: «У благотворительного фонда абонемент в крематорий» чего стоит! Я понимаю, конкретики нет. Но семья Безицкой не хочет иметь дело с вашим фондом, пока не будет ясности. Вы же юрист и понимаете: всё может измениться! Я лишь довожу до вас волю своего доверителя и, надеюсь, в скором времени, мы сможем всё отыграть назад. Так во

сколько и куда мне лучше подъехать?

Кира ничего не могла ответить. И не потому, что не хотела или нечего было сказать. А потому, что у неё повторился «приступ бормотания» и она так и просидела с трубкой в руке, трясая головой и тихо бормоча что-то себе под нос.

В этом состоянии и застал её супруг, когда вернулся с почты. Он силой вытащил телефон из её скрюченных судорогой, рук.

– Кир, очнись! Беда... Мне на почте показали газеты сегодня. Придумай что-нибудь. Кир...

Муж стал хлестать супругу по щекам в надежде, что та придёт в сознание. Это помогло! Кира обмякла. Тряска головой стала меньше. Наконец, она смогла произнести два слова:

– стакан воды...

Эдик тут же метнулся за водой. Кира сделала пару глотков и окончательно пришла в себя.

– Ты про какие-то газеты говорил?

– Вот, смотри! – муж положил ей на колени стопку газет. Открыв одну из них, Кира стала опять, хоть и не так сильно, трясти головой.

«Мы всех кремировали! Никто ничего никогда не докажет!» – Руководители самого известного фонда не могут объяснить собственность на десяток квартир известных советских артистов». Данный заголовок и пояснение красовались на первой полосе. В качестве иллюстрации – искажен-

ные злобой, морды супругов, когда они набрасывались в ресторане на Каратова и журналистку.

Кира попросила супруга прочитать текст. Вместо читки, Эдик позволил себе вольный пересказ статьи и то и дело вставлял комментарии вроде: «Ты ж это не говорила»; «Откуда вообще об этом узнали»; «У них нет доказательств. Ты же сама повторяла каждый раз: всё законно! Мы нарушали закон, не нарушая закон!»

Если отбросить эмоции и оставить суть, то из публикации следовало: фонд, чуть ли не с первого дня своего существования, прикарманивал квартиры опекаемых стариков. Для убедительности были размещены выписки из ЕГРН и для наглядности обведены фамилии Киры и Эдуарда как новых владельцев. Отдельно прошлись по нотариусу: почему все сделки проводил один и тот же человек? По сути, в статье – одни косвенные доказательства. Но сама подача материала и куча известных актёрских фамилий претендовали на сенсацию года.

Только успел Эдик закончить декламацию, как раздался второй звонок. Звонили взбешённые инвесторы. Кире пришлось взять себя в руки и, выслушав поток мата, жестко произнести:

– Это всё происки Каратова! Он хотел своего знакомого в проект ввести.

– Почему ж вы нам сразу не позвонили? – заорали на том конце телефона.

– Я не думала, что конкурентная борьба зайдёт так далеко. Давайте мыслить конструктивно. Мне звонил адвокат Безицких. Даже если с нами расторгнут договор о намерениях, это не значит, что ваш проект не будет реализован.

– Вы нас держите за идиотов? Кому пятно отойдёт, тот и проект свой протаскивать будет. Если Каратов притащит своего человечка в учредители, то нам останутся одни убытки. Если бы вы нам хотя бы сразу позвонили после встречи с журналисткой, мы бы или с изданиями постарались договориться или ещё чего придумали. А сейчас? Все газеты, весь интернет в ваших фото! Ну?! Нечего сказать?

Не дождавшись ответа, инвестор сам бросил трубку. Да и какой ответ он мог получить? Уже ясно: чем быстрее он забудет о существовании благотворительного фонда и возможности возвести на месте театра торговый центр, тем меньше убытки и репутационные потери. Это понимала и Кира.

Также она ясно осознавала и то, что теперь вопрос уже не стоял о сохранении барышей после получения пятна под застройку. Целью номер один становилось сохранение репутации благотворительного фонда и собственных шкур. Нужно срочно придумать план по «обелению» собственного грязного белья.

Странно, но журналисты топовых СМИ не спешили брать у них комментарий. Кире пришлось звонить самой. Но акулы пера вежливо отказывали в интервью. Супружеская пара напряглась. Они долго жили в медийном поле и понима-

ли правила игры. Видя сенсацию, журналисты разорвали бы любого, лишь бы заполучить комментарий другой стороны. А тут... игнор или отказ.

Под конец дня стала ясна причина «холода» со стороны журналистов. На один из центральных каналов, куда ещё недавно супружеская пара ходила, как к себе на работу и сидела на самых почётных местах, припёрлись все тени прошлого. Тут и племянница Фимы, которая затаила обиду за ушедшую из-под носа квартиру; и адвокат старшего сына Вахтанга, пытающийся восстановить попорченную репутацию; и родственники других стариков; и поклонники тех артистов, которых опекал фонд. И вот эти, казалось бы, давно растворившиеся во времени и пространстве, тени, начали говорить.

Передача походила на судебное заседание. Приводили здравые аргументы. Всё – по фактам и без лишних эмоций. Все участники то и дело демонстрировали документы, подтверждающие их право на собственность. Отдельно родственники и поклонники отмечали: могил нет! Максимум, что кинули им Кира и Эдуард с барского плеча – так это урна с прахом. Видимо горстка пепла равнялась компенсации наследства и памяти о человеке. На удивление, передача вышла очень дельной. Отсутствовала только сторона обвиняемых. Ни руководителей фонда, ни кого-то, кто поддерживал бы их сторону, не пригласили.

А всё потому, что режиссёром этого действия был... сам

Сергей Сергеевич Каратов! По просьбе своего друга-чиновника, он заранее продумал и организовал довольно простой, но очень эффективный план.

За несколько недель до описываемых событий, во время застолья, друг Каратова обмолвился о профуканной возможности получить пятно на миллиард. Ведь чиновник сам всю старался понравится родственникам Безицкой. Но выигрыш достался, по его словам: «каким-то актёрским кружкам». Как только Сергей Сергеевич услышал название фонда, в голове у него родилась идея.

Поднимая очередной тост: «Чтобы у нас всё было, а нам за это ничего не было», Каратов, примяв свои фирменные усы, кинул между делом:

– А что, если я тебе скажу – не всё потеряно?

– Серёга, ну как не всё... Всё! – панибратски подхватил чиновник. – Уже подписан договор о намерениях. Остаются простые формальности: поставить пару закорючек! И инвесторов я знаю, и проект нового торгового центра сам видел...

– Ну и что! Если я выбью из седла Киру и Эдика, то вся сделка отменится!

– А как этих пиявок снять? Родственники Безицкой и слышать ничего не хотят! Мы уже и так к ним, и сяк...

– Если я тебе приведу за ручку родственников Безицкой и сделаю так, чтобы они разорвали все отношения с благотворительным фондом, какова моя доля?

– Я тебе половину своей доли отдам, Серёж! – чиновник

за годы дружбы знал: если за дело берётся сам Каратов, то он стопроцентно доведёт его до успешного результата. Но мелочиться с ним не стоит. Меньше, чем за половину «отката» народный артист не ввяжется. Перед чиновником стояла простая дилемма: или потерять всё, или отдать половину. Когда «половина» весит несколько десятков миллионов долларов, то игра стоит свеч.

– Дай мне несколько дней. Я знаю: за какие ниточки и кого дёргать.

– Можешь хоть вкратце рассказать, чего ты там придумал?

– Отчего не сказать?! Я знаю, где искать компромат на фонд. Если копнуть и грамотно подать в СМИ одну историю, то её за глаза хватит. У меня есть журналистка въедливая. Она и не такие темы для меня раскручивала. Я ей кость кину – она в неё вцепится, как дворняжка. Для шумихи в прессе повод появится.

– Зачем нам шумиха? – удивился чиновник. – Сам понимаешь, театра там не будет.

– А зачем столице лишний театр? Их и так до фига! Шумиха мне нужна для выбивания из игры руководства фонда. Я вообще думаю ещё умнее поступить. Вначале моя журналистка готовит всю доказательную базу. Встречается со всеми обиженными фондом. Я уверен: там не один пострадавший! Всё перепроверяем. Далее, когда будет готов настоящий компромат, я назначаю встречу с Кирой и Эдуардом на

нейтральной территории. И делаю им предложение, от которого не отказываются.

– Шантаж? Или сливаешь компромат во всех помойках, или пятно отходит правильным людям?

– Не совсем! Шантажом я, от этих оборзевших, ничего не добьюсь. Они же уверены в своей непотопляемости. Моя задача их разозлить и тут-то и появится моя журналистка с реальными доказательствами. Гарантирую: камеры и свет будут стоять, где надо. Я руководство фонда выведу на эмоции, и они точно что-нибудь лишнее, да ляпнут. А если не ляпнут – фото их злобных морд для статьи будет сделано.

– Потом чего? – чиновнику явно нравилась вся эта затея.

– Этим же днём, пока они не очухаются и не подселят соломки, весь материал передаём в нужные СМИ и...

– Почему ты так уверен, что они сами не побегут интервьюезде раздавать, что сам Каратов на них бочку катит?

– Ты же знаешь людей! К примеру, взять Киру и Эдика. У них давно рыльце в пушку. Но им кажется, что они Бога ухватил за бороду. А такие адекватно реальность воспринимать не могут и думают, что всё само рассосётся. Потому, как минимум до утра, глупостей не наделают.

– Какого утра?

– Утра, когда выйдут все помойные СМИ и интернет-издания с сенсационным заголовками. Представь эффект: ещё вчера Кира и Эдик – самые порядочные и честнейшие благодетели, а по утра окажется, что они – черные риелто-

ры, отбирающие квартиры у пожилых артистов. Дальше дело техники! Привозим газетки родственникам Безицкой и...

– Почему ты уверен, что каких-то статейек будет достаточно? Да и кто сегодня газеты читает...

– Во-первых, старички читают именно газеты. Ты удивишься: но и телевизор тоже они смотрят. Потому эти ресурсы ты зря недооцениваешь! Во-вторых: я Безицкую знал лично и знаком с её мужем и дочкой. В-третьих, эти люди всегда мне доверяли. Если я сам приду к ним не просто со словами, а с уже вышедшими статьями и доказательствами, они сломаются.

– Может я чего не понимаю... Но зачем шумиха лишняя? Пусть твоя журналистка так компромат соберёт и тихонько подбросим всё родственникам актрисы. Просто сам пойми: мне лишний раз светиться не хочется. И так мне вопросы задавать стали: почему это лицо, наделённое реальной властью, так за новый театр хлопочет?

– Твоё имя вообще упоминаться не будет. Ещё раз повторю: я прекрасно знаю обе стороны. Родственникам Безицкой бесполезно бумажки совать с доказательствами. У них только сомнения закрадутся и всё! Резонанс, считай, нулевой. Когда там они созреют для разрыва договора – никто не знает. А у нас с тобой времени на раскачку нет! Потому, когда я приду с газетками и поставлю их перед фактом, мол, смотрите: куда вы вляпались и о фонде мало чего хорошего можно сказать, они в ступор впадут. Соображать плохо ста-

нут. И тут я им своего адвоката сую. И советую чисто подругески: лучше разорвать договор, пусть даже это ни к чему не обязывающий, договор о намерениях, пока ясности не будет. Ну, а как ты знаешь: нет ничего более постоянного, чем временное!

– Думаешь, они прямо день в день разорвут договор?

– Я думаю, они сразу подпишут доверенность адвокату на всё. А уж мой адвокат сделает по этой доверенности всё, как надо. Остальное – дело техники. Расторгнем один договор. Заключим новый. Потом... всё может случиться!

– Ты так уверенно обо всё говоришь, я бы проще сделал... Но мои идеи не сработают. Точнее, уже не сработали.

– Я тебе на что? Сразу бы мне позвонил, уже бы торговый центр открывали.

– Откуда же я знал, что ты вообще про эту богадельню знаешь? – искренне произнес чиновник.

– Видишь, знаю! – ухмыльнулся народный артист.

– погоди. Вот адвокат получит доверенность и, к примеру, с нами заключит договор о намерениях. Так вдруг Безицкие на попятный пойдут и всё равно с этой богадельней станут работать?

– Не станут! После утренних газетёнок и статей в Интернет, вечером выходит передача на каком-нибудь из центральных каналов. Там компромат вываливается по новой. Уже с живыми свидетелями. Безицкие это смотреть будут, сто процентов. И тут снова появляюсь я и говорю: «Смотри-

те! На передаче как раз реальные пострадавшие вам такой ужас рассказывают, зачем вам имя Безицкой марасть рядом с Кирой и Эдуардом?»

– И?.. Ты думаешь, Безицкие после этого с Эдиком и Кирой не свяжутся заново?

– Ты мне уже несколько раз задаешь один и тот же вопрос! – Каратов произнёс это со своей фирменной «однотонной» интонацией.

– Мне не верится, что всё пройдет, как по маслу!

– Давай честно. Нам с тобой только и нужно: добиться разрыва договора о намерениях и сделать всё, чтобы сам факт общения с Кирой и Эдуардом был, как говорит молодежь сегодня: «полным зашкваром». Ты считаешь, это не в нашей власти?

– Сам знаешь, какие у тебя и у меня подвязки с медиахолдингами. Но толку-то от них... Я столько бабок вложил, чтобы свой проект отпиарить. А результат – ноль!

– Ну так давай твои вложения в СМИ отбивать! Нам нужно, чтобы ни один серьёзный журналист не опубликовал без нашей отмашки интервью с Кирой или Эдуардом. Всё будет представлено только с нашей стороны. Сериал на эту тему я гарантирую. Страху нагоню минимум на полгода. Тебе времени хватит, чтоб всё проверить?

– Мне бы пару недель хватило за глаза. Может и хорошо, когда внимание отвлечено на скандал. Я по-тихому всё оформлю и стройку запущу.

Белые простыни для черных риелторов

Эдуард и Кира прилипли к телевизору. Шла передача, которую срежиссировал Сергей Сергеевич. Эдик по-актёрски наблюдал, как менялось отношение публики к их персонам. Кира, как юрист, смотрела на ситуацию иначе. Иск о клевете подавать бесполезно. Каждый эксперт и гость в студии, словно их кто-то надоумил, повторял фразу: «По-моему мнению...». А за частное мнение, по закону, привлечь невозможно.

Подать иск на телеканал, на журналистку или на Каратова тоже нельзя. На что подавать? В передаче лишь озвучены факты перехода права собственности квартир артистов на руководство фондов. Эмоциональные реплики из зала в судебный иск не вставишь. Опять же: каждый имеет право на свое мнение. Каратов вообще на передаче отсутствовал. Как докажешь, что всё происходящее – его рук дело?

Но даже не это больше всего волновало супругов. Они сидели молча всю передачу и ждали лишь одного звука: звука телефонного звонка! Ну должен хотя бы один журналистишко центрального СМИ позвонить им и получить комментарий? Ведь именно так устроены законы медиа. Тишина – не естественна. Если только...

– Каратова работа! – произнесла Кира.

– Ты про что? – грустно спросил Эдик.

– Про телефон. Ни один нормальный журналист или издание не звонит... Одна мелочь трезвнит с десятью подпис-

чиками. Или какие-то неизвестные порталы...

– Да... и на наши звонки журналистам реакция странная... Похоже нас обложили со всех сторон и хотят заткнуть нам рты. Чего делать, Кир?

– Нужно звонить известным адвокатам. Это действительно должны быть юристы с именем. Если нам везде отказ, то известные люди пробьют эту стену своей популярностью. Хотя бы у них должны взять интервью, как у наших представителей. Только так нам удастся в медийных жерновах перемолотся...

Только через неделю нашёлся единственный адвокат, который за огромный гонорар согласился представлять их интересы. Началось всё с пресс-конференции. Но это можно назвать началом конца. На пресс-конференцию пришли журналисты, «заряженные» документами и реальными историями несостоявшихся наследников, чьи квартиры отошли Эдуарду и Кире. Адвокат юлил, как мог. Но саму трансляцию и запись пресс-конференции смотрели миллионы людей. А как не посмотреть, когда обмусоливали ФИО известнейших актеров, и благотворителей, которых обвиняли в убийстве нескольких десятков человек?

Вскоре заявления от несостоявшихся наследников поступили во все инстанции. Завели уголовные дела. Следствие велось не формально. Стали всплывать обстоятельства, которые тянули супружескую пару на самое дно.

Для Киры и Эдуарда вся эта ситуация будто разделилась

надвое. Словно им кто-то рассказывал анекдот про две новости: одну хорошую, другую плохую. Хорошая новость – по старым эпизодам ничего доказать не представлялось возможным. Как говорится: «нет тела – нет дела». Согласно свидетельствам о смерти, все опекаемые фондом, старики, уходили из жизни не криминально. Доказать обратное не представлялось возможным. Ведь все – кремированы. Ну а те старики, которые умерли своей смертью, могут быть эксгумированы, и экспертиза покажет отсутствие криминала!

Плохая новость: стали проверять состояние здоровья ещё живых стариков, которых курировал фонд. И здесь нашли странные схемы лечения, которые могли привести к острой сердечной недостаточности или обострить определённые заболевания. Сиделки не смогли внятно объяснить: кто и почему рекомендовал или заменял препараты и как в принципе определённые пилюли попадали к старикам. Сиделки переводили стрелки на руководство фонда. Мол, они сами приходили к пенсионерам и все вариации с лечением – дело рук Киры и Эдуарда.

Вполне закономерно прошёл обыск как в офисе, так и в квартире руководства фонда. Кира и Эдуард настолько были морально раздавлены событиями последних дней, что не потрудились позаботиться об утилизации синей книжицы, куда Кира собственной рукой записывала схемы «лечения» стариков. Уголовное дело пополнилось весомыми доказательствами. Состоялся суд. Киру и Эдика отправили под домаш-

ний арест и наложили арест на все их счета и имущество.

Находясь дома, они узнали об исключении Эдика из ВУЗа МВД. Их нотариус скрылся за границей. Врач, естественно, тоже пропал. Самой неприятной новостью для супружеской пары было даже не это. Из новостей они узнали о преждевременной кончине вдовца и дочери Безицкой. По официальной версии, им неизвестные поклонники таланта Безицкой прислали домашних грибочков. Тронутые такой наивной заботой, вдовец и дочь отведали сей деликатес и, не приходя в сознание, скончались через сутки. Кто принёс грибы, выяснить не удалось. Но тот факт, что незадолго до этого родственники Безицкой подписали документы с новым фондом, бенефициары их преждевременной кончины были понятны. Не прошло и сорока дней с момента их погребения, как на «пятне» вовсю вколачивали сваи для нового торгового центра.

Эдуард и Кира восприняли это, как чёрную метку. С этого момента они не жили, а существовали. Они ждали исполнения высшей меры наказания в любой момент. И уже не важно: кто вынесет этот приговор. Но тут судьба, казалось, дала им последний шанс и супруги за него ухватились мёртвой хваткой.

Адвокат, который представлял их интересы, напросился к ним на встречу. Обсудив текущие дела, адвокат вдруг замолк и, после затянувшейся паузы, произнёс:

– На меня вышли представители силового ведомства. Их

предложение такое: они могут развалить дело. Тел – нет. Из обвинений – лишь какие-то схемы лечения в старой тетрадке. Я договорюсь со всеми обиженными родственниками о компенсации.

– Разве это возможно? – наивный вопрос Эдуарда заставил Киру искренне рассмеяться. Это произошло с ней впервые за всё время процесса.

– Дорогой, за деньги и не такое возможно. Сколько? – обратившись к адвокату, спросила Кира.

– Легче сказать, что у вас останется. Это две однокомнатных квартиры. Зато гарантированно будут сняты все обвинения.

– В однушке жить, а другую – сдавать... – чуть не плача произнёс Эдик. – А этим, как вы говорите, силовикам, это всё зачем?

– Деньги. – ответила за адвоката Кира. – У них есть ресурсы всё это проверить, а у нас – активы, чтобы это оплатить.

– Верно! – согласился адвокат. – Но в любом случае выбор за вами. Я лишь озвучиваю предложение.

– А какие гарантии? – Эдик вдруг выпрямился.

– Какие тут гарантии... – вытирая слёзы в уголках глаз, произнесла жена. – Пишем мы с тобой дарственные на незнакомых нам, людей после того, как снимают арест на имущество. Если взбрыкнём – дело возобновят по вновь открывшимся обстоятельствам. Так?

– Вы же сами всё понимаете... – адвокат многозначитель-

но покачал головой.

– Выхода у нас нет, Эдик! Уж лучше иметь квартирки-живопырки и дожить спокойно, чем сидеть до конца жизни в тюрьме.

– Ты же у нас голова! Я согласен! – Эдик взял супругу за руку и заплакал, как ребёнок.

Прошло около года после этого разговора. В одной из однушек, расположенной на окраине Москвы, найдены два трупа. Согласно заключению эксперта, пожилая супруга не пережила второго инфаркта. А супруг, видимо спешивший к ней на помощь, нечаянно поскользнулся и при падении ударился виском об угол стола.

Следов взлома не было. По мнению соседей, пара жила замкнуто и всегда выходила в тёмных очках. Посмертное вскрытие не показало криминала. Ну, а тот нюанс, что у супруги был свежий укол, так это можно объяснить следующим. Муж постоянно ей делал инъекции. Врачи в местной поликлинике подтвердили: да, у супруги было слабое сердце. Паре предложили медсестру, но они сказали – уколы сами делать умеют.

Правда, эксперта смутили синяки на запястье мужа. Будто кто держал старика за руки. Он хотел было отразить это в заключении. Но вскоре последовал звонок сверху. В итоге: смерть супруга была определена в результате несчастного случая.

За трупами этих стариков так никто и не пришёл. Их по-

хоронили за государственный счёт. На их могилку ни один человек не принёс ни одного цветочка. За их душу никто не поставил свечу. А всё потому, что звали их Эдуард и Кира и молиться за их упокоение было не кому.

Прошел ещё год. Один бизнесмен решил обновить интерьер в своём отеле. В ходе криворукого ремонта рухнули перекрытия. Это привлекло внимание СМИ. Журналисты хотели было вычислить собственника, чтобы задать ему вопросы и, запросив выписку, наткнулись на имя первого владельца квартиры. Это была недвижимость, ранее принадлежавшая известному артисту по имени Вахтанг. Потом им владели скандально известные Кира и Эдик. Далее, Кира и Эдик написали дарственную на сегодняшнего хозяина квартиры. Акулы пера стали пробивать биографию этого собственника. Им оказался... двоюродный племянник жены одного из столичных следователей. Журналисты стали дальше рыть информацию и выяснили: на племянничка также были отписаны ещё 2 квартиры, ранее принадлежащие руководителям самого известного благотворительного фонда!

Журналисты почувствовали: запахло сенсацией. Они стали дальше раскручивать эту тему и нашли интересные факты. Некоторые активы Эдуарда и Киры перешли по дарственным родственникам или знакомым следователей, судей и экспертов. Это были те персоны, которые вели дело благотворительного фонда. Произошло это как раз тогда, когда был снят арест с имущества Киры и Эдуарда и уголовное де-

ло в отношении них было развалено.

Вездесущему ёжику в тумане снова было бы очевидно: без отмашки очень серьёзных дядь в погонах это дельце бы не выгорело. Но связь со «звёздоносцами» здесь установить не представлялось возможным. Самые ценные объекты были переписаны на какие-то фирмы-однодневки и несколько раз перепроданы. Потому нельзя было оценить: сколько и кому ушло «на самый верх».

Зато журналисты раскопали контакты наследников стариков, пострадавших от деятельности фонда. Истории этих родственников были как под копирку. Когда вышли все разумные сроки ожидания, наследники решили было потребовать то, что полагалось по закону. Но тут выяснилось: основные фигуранты уголовного дела – Кира и Эдик, уже умерли. Активов, на момент их смерти, никаких нет. Дело повторно возбуждать никто не будет. Так что, дорогие родственнички, финита ля комедия!

В день, когда уже шли последние правки статей и монтаж передач, вдруг, акулам пера кто-то сверху намекнул, что есть «священные коровы», которых трогать нельзя. И даже акулам эти млекопитающие не по зубам. В итоге, вся шумиха по этой теме утихла. Осветить одну из ярких коррупционных тем так и не удалось.

В то же самое время, на одной из вилл юга Франции, молодая жена очень известного российского адвоката устраивала приём. Если у себя на родине их семья пользовалась

почётом и уважением, то здесь, в Европе, на них смотрели, как на выскочек-нуворишей. Потому супруге хотелось чем-то поразить этих зажавшихся снобов. Не найдя ничего лучше, она решила напялить на себя подаренный мужем, драгоценный гарнитур. Только она появилась в гостиной, как гости ахнули от ослепивших их сапфиров и бриллиантов. Супруг чуть не выронил бокал и, на ватных ногах, подошёл к жене:

– Дура! Что ты наделала! Я же сказал: никому и никогда не показываться в этих побрякушках! Быстроними их! Если кто ближе подойдёт – сразу поймёт их реальную стоимость и ценность.

– А что я гостям скажу? – промямлила жена.

– Говори, голова заболела. Потому пошла снимать всё. И с башкой у тебя бо-бо и поведение дурацкое, потому как ты беременна. Ни слова о том, что это подлинное. Всем говори: бижутерия.

– Но они теперь будут считать меня полной идиоткой...

– А ты такая и есть, кретинка! Но уж лучше они будут считать тебя душой, чем в тюрьме сидеть. Поняла?

Супруга прикрыла лицо рукой, чтобы скрыть слёзы и вышла. Адвокат, как ни в чём ни бывало, вернулся к гостям и стал сетовать, мол, супруге внезапно стало нехорошо. Но это вполне объяснимо: скоро они станут родителями. Все кинулись поздравлять будущего папашу и об инциденте с неуместным появлением супруги в дорогуших украшениях

уже никто особо не вспоминал.

Жена адвоката, в слезах, снимала с себя гарнитур от Картье. Она вспомнила, как её муж принёс украшения в разобранном виде. Разложив перед ней «Лего» из бриллиантов и сапфиров, супруг строго-настрого наказал ей: никому и никогда об этих украшениях не говорить. Тогда он представлял интересы руководителей благотворительного фонда, чьих имён она и не запомнила. Но разве мог запрет на ношение «цацек» остановить молодую женщину?

Она уговорила мужа показать гарнитур известному ювелиру. Муж сдался. Если честно, ему и самому не терпелось узнать истинную ценность украшений. Просто адвокат привык заниматься оценкой после того, как пыль от дела уляжется. Но можно же хоть раз в жизни сделать исключение?

И вот, только они разложили перед ювелиром камни и основу для их вставки, как ювелир тихо, словно боясь спугнуть удачу, промолвил лишь одно слово:

– Картье.

– Как Картье? – у супруги адвоката заиграл румянец.

– Это гарнитур, сделанный под заказ для дочери богатого золотопромышленника в начале двадцатого века. Считался утраченным после революции. Но сохранились фото. Показать?

– А сколько это может стоить? – спросила супруга адвоката.

– Произведения искусства так не оцениваются, мадам! –

не скрывая брезгливости произнёс ювелир.

– Детка! – как можно мягче начал адвокат, словно оправдываясь за свою супругу. – Это же Картье! Начало 20 века. В тот момент в России ювелирный дом делал украшения на заказ членам императорского дома. Исключения: только для очень богатых людей.

– Одно можно сказать: любой коллекционер выкупит это не глядя, если доказать историю владения! – почему-то слова: «история владения», ювелир произнёс ехидно.

– Сколько будет стоить восстановить всё в прежнем виде? – адвокат спросил так, будто не воспринял всерьёз последние слова ювелира.

– Может, мы без дамы обсудим финансовые вопросы?

Адвокат сделал знак жене, и та скрылась за дверью.

– Я заплачу сколько скажешь за работу и в десять раз дам сверху за молчание. Идёт? – спросил адвокат.

– Хорошо! – ответил ювелир. – Сделаю всё, как всегда! Но на этот раз ты отхватил действительно произведение искусства.

– А на меньшее я и не согласен!

– Но ты же его никому и никогда показать не сможешь! Знающий человек сразу оценит и разнесёт по всеми свету. И станут тебе задавать ненужные вопросы.

– Это уже мои проблемы. – усмехнулся адвокат.

Ювелирный комплект был вскоре восстановлен. Его, как и остальные сокровища коллекции, было решено увести в

Европу. Обладая связями в определённых кругах, для адвоката это плёвое дело.

Среди своих знакомых он слыл заядлым коллекционером. Мог отдать состояние за какую-то помятую гравюру или портсигар. Но целиком его трофеи никто никогда не видел. всё хранилось в Европе. Ну а как иначе спрятать то, на что право собственности доказать сложно? Да и подельники адвоката – люди не простые. Могли, в случае чего, легко экспроприировать его коллекцию! Адвокат понимал, с кем имеет дело и какие риски с этим связаны. Потому, чтобы не вводить в соблазн своих «коллег по цеху», хранил коллекцию за границей.

Адвокат за свою карьеру заработал столько, что хватит на десять поколений вперёд. Но страсть коллекционера оказалась сильнее. Потому он работал лишь с теми, у кого имелся хоть какой-то интересный для него, антиквариат. Так, изучая фигурантов дела благотворительного фонда, он наткнулся на несколько фамилий, у кого могли быть предметы старины. Потому он и согласился представлять дело Киры и Эдуарда, зная, чем для него закончится этот процесс. По иронии судьбы, артистка Петрова со своим гарнитуром Картье вообще не попала в поле его зрения. Однако, когда силовики провели ревизию арестованного имущества и честно рассказали ему о каких-то синих камушках, адвокат понял: он сорвал джек-пот.

Дальше всё дело в отработанной схеме. Они с силовика-

ми и не такие фортеля проворачивали. А тут-то всего и нужно: переписать активы напуганных благотворителей и, выжав из них всё, грамотно утилизировать. Самым предсказуемым моментом была делёжка. Силовики предпочитали наличность и недвижимость. Между собой они чуть ли не дрались за самые вкусные активы. Ну а адвокат, которого они за глаза прозвали «Цацкин», довольствовался какими-то картинками, фарфором, да старыми и немодными побрякушками. Но на эти его слабости силовики закрывали глаза. Ведь могут быть у человека слабости? Кто ж не без греха?

Главное: их адвокат слыл человеком с чистейшей репутацией. Он вёл самые резонансные дела. Иногда даже бесплатно. Ну а то, что каждый десятый из его доверителей или разорялся или умирал при загадочных обстоятельствах, так это жизненная ситуация! Ничего нельзя было доказать. Да и некому это было сделать.

Декабрь 2020 – Сентябрь 2021